ВЪ СРЕДНЕАЗІАТСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

(Изъ лѣтнихъ впечатлѣній).

I.

Уральскъ.

Подъ нестерпимо-палящимъ солнцемъ поѣздъ узкоколейной дороги медленно взбирается на пологія, почти сливающіяся со степью, высоты Общаго Сырта. Картина необъятнаго простора, поражавшая по дорогѣ уже на югѣ Самарской губерніи, становится еще болѣе широкою,—начинаетъ чувствоваться огромное многоземелье, при которомъ человѣкъ лишь кое-какъ используетъ, а то и вовсе не используетъ, находящіяся въ его распоряженіи земельныя богатства. Изъ окна вагона на десятки верстъ видны лишь необъятныя степныя пастбища, на которыхъ кое-гдѣ нагуливаются табуны лошадей или стада рогатаго скота; изрѣдка только, по пологимъ увалamъ Сырта, среди пожелтѣвшей отъ зноя степи, виднѣются блѣдно-зеленыя пятна посѣвовъ пшеницы или темные квадраты заросшихъ бурьяномъ залежей. Мѣстами прихотливо извиваются, среди зеленовато-желтыхъ степныхъ пастбищъ, какія-то длинныя, вытянувшіяся иногда на нѣсколько верстъ, но узенькія, нерѣдко не болѣе десятка саженъ, ярко-желтыя ленты; это уже созрѣвшая озимь, какъ бы спрятавшаяся въ едва замѣтныя для глаза «падушки», чтобы найти здѣсь хоть немного весенней влаги.

Изрѣдка виднѣется и человѣческое жилье. Вотъ большая казачья станица, съ ея правильною распланировкой и просторными, крѣпкими домами, съ тесовыми, а то и желѣзными крашеными крышами; то тутъ, то тамъ—мелкіе саманные или глинобитные хутора рядового казачества, изрѣдка огромныя усадьбы, съ десятками хозяйственныхъ построекъ, представителей казачьяго капитализма. А по станціямъ вы видите вездѣ малиновые околыши уральскихъ казаковъ, ихъ добродушно-энергичныя физіономіи, съ окладистыми русыми бородами, и слышите характерное пришепетываніе, которое не оставляетъ уральца, даже прошедшаго черезъ горнило университетскаго или военнаго образованія. И вездѣ,—на станціяхъ, на деревенскихъ улицахъ, на хуторахъ, въ открытомъ полѣ, въ глаза бросаются жнеи, косилки, конныя и паровыя молотилки,—вездѣ вы видите двухъ-и трехъ-этажные хлѣбные ам-

бары—характерный аттрибутъ того пшеничнаго царства, которое протянулось сплошь отъ Волги до Урала.

Вотъ, однако, какъ бы въ маревѣ, показывается Уральскъ: линія блѣдно-розовыхъ и блѣдно-желтыхъ домовъ, церкви и кругомъ—обширныя рощи, такъ ласкающія глазъ среди безлѣснаго степного простора. Поѣздъ, видно, пришелъ на добрый часъ раньше времени... Пассажиры начинаютъ поспѣшно собирать и увязывать разбросанныя дорожныя вещи,—но скоро оказывается, что это было и въ самомъ дѣлѣ только марево—одна изъ тѣхъ шутокъ, которыя такъ любитъ шутить горячее степное солнце.

А вотъ и дѣйствительно Уральскъ. Вдоль полотна дороги—съ десятокъ паровыхъ мельницъ, по дорогѣ отъ вокзала къ городу—цѣлая улица лѣсныхъ дворовъ и складовъ, — и вы въ самомъ центрѣ города, на сносно вымощенной, просторной улицѣ, обстроенной почти подрядъ казенными домами. Однако, такая улица—единственная въ своемъ родѣ. Весь остальной Уральскъ, несмотря на его многомилліонную торговлю, главнымъ образомъ хлѣбомъ, скотомъ и рыбой,—не болѣе, какъ большая казачья станица, да и станица-то не изъ важныхъ, гораздо хуже тѣхъ, которыя виднѣлись по пути изъ окна вагона, съ немощеными пыльными улицами, отъ которыхъ, подъ вечеръ, въ воздухѣ стоитъ сплошная мгла, съ какими-то необыкновенно-жалкими, покосившимися фонарными столбами, съ маленькими, обмазанными глиной домами и домишками. Въ полдень, когда почти вертикально-палящее солнце даетъ до 50° по Реомюру, жизнь на этихъ улицахъ почти замираетъ: всякій, кому не до зарѣзу нужно, спѣшитъ укрыться въ «холодкѣ»; во многихъ домахъ, для защиты отъ солнца, окна изнутри вымазаны синею краской, а многіе, чтобы спастись отъ жары и пыли, въ теченіе всего лѣта не выставляютъ наглухо замазанныхъ двойныхъ рамъ.

Малиновые околыши въ Уральскѣ не даютъ прохода. На углахъ стоятъ малиновые полицейскіе, у «части» малиновые пожарные возятся съ трубой и бочками, малиновые ребятишки играютъ въ бабки или чехарду; даже гимназисты, и тѣ носятъ тотъ-же малиновый околышъ и малиновый лампасъ на шароварахъ. И въ отличіе отъ сибирскихъ, амурскихъ, даже оренбургскихъ казаковъ, которые производятъ впечатлѣніе мужиковъ въ форменныхъ фуражкахъ, уральскіе казаки и внѣ службы сохраняютъ какой-то особенный видъ, по которому вы сразу узнаете военнаго человѣка. Преобладаніе въ Уральскѣ казачьяго элемента выражается, конечно, не въ однихъ малиновыхъ околышахъ: реальное училище въ Уральскѣ—«войсковое»; войсковое хозяйственное правленіе занимаетъ огромное, высокое, казеннаго вида зданіе на главной улицѣ, тогда какъ высшее гражданское управленіе областью ютится гдѣ-то на боковой улицѣ, въ небольшомъ наемномъ домѣ. Извозчикъ, если вы его спросите, гдѣ живетъ губер-

наторъ, придетъ въ нѣкоторое недоумѣніе, а когда сообразитъ, въ чемъ дѣло, объяснитъ вамъ, что «у насъ больше атаманскимъ домомъ зовутъ».

На окраинѣ города, за татарскою слободкой, довольно обширное мѣсто обнесено глухимъ заборомъ, и надъ воротами его красуется не особенно вразумительная для непосвященнаго надпись: «войсковой складъ строительныхъ матеріаловъ для учуга», а немного дальше вы можете видѣть и самый учугъ. Издали вы видите лишь узенькій пѣшеходный мостикъ на столбахъ, съ косыми бревнами въ видѣ ледорѣзовъ, почему-то подставленными однако, *не сверху* по теченію, какъ приличествуетъ ледорѣзамъ, а *снизу*. Но поднявшись по нѣсколькимъ ступенькамъ, вы видите, что суть дѣла вовсе не въ мостикѣ: и мостикъ, и косыя бревна только поддерживаютъ противъ сильнаго теченія сплошную желѣзную рѣшетку, перегораживающую Уралъ отъ одного берега до другого. Эта рѣшетка, составленная изъ часто вбитыхъ въ дно рѣки дюймовыхъ прутьевъ, выкрашенныхъ мясляною краской, ежегодно снимается осенью и ежегодно-же ставится вновь послѣ окончанія весенняго ледохода. Ея цѣль—задержать поднимающуюся вверхъ по теченію рыбу и не пустить ее уйти въ верхнюю часть рѣки, уже не состоящую въ обладаніи войсковой общины.

Рыболовство въ Уралѣ, или, какъ здѣсь выражаются, «рыболовства»,—монополія уральскаго войска, и казачество строго и ревниво блюдетъ эту монополію. Ради сохраненія запасовъ рыбы на Уралѣ не допускается устройство пароходства; по всему вообще Уралу, ниже учуга, въ неназначенное для лова время запрещено даже плыть на лодкѣ или ловить рыбу удочкой; на мѣстѣ такъ называемаго «презентнаго багренія», откуда икра и осетры идутъ въ «презентъ» къ высочайшему столу, стоитъ особый постъ, оберегающій спокойствіе нагуливающейся рыбы. Вся рыба въ Уралѣ — собственность войсковой общины, къ которой принадлежитъ все войско, кромѣ четырехъ сѣверныхъ, илецкихъ станицъ. Никакихъ дѣленій нѣтъ внутри этой огромной общины; каждый казакъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, участвуетъ въ зимнемъ «бàгреньѣ» рыбы подъ Уральскомъ, участвуетъ въ осенней «плàвнѣ» въ низовьяхъ рѣки, участвуетъ, гдѣ ему угодно, и въ другихъ, второстепенныхъ «рыболовствахъ». Еще не такъ давно рыбный промыселъ былъ первенствующимъ источникомъ благосостоянія уральскихъ казаковъ. Теперь ему уже трудно удерживать за собою первенство, которое оспаривается у него скотоводствомъ и земледѣліемъ. Тѣмъ не менѣе въ «рыболовства» уралецъ и сейчасъ болѣе всего вкладываетъ свою душу. Земледѣліе, скотоводство—это для него заработокъ или источникъ барыша; бàгренье или плàвня—вѣками укоренившаяся «охота». Если вы хотите знать, какъ велика роль «рыболовствъ» въ жизни города Уральска, прочтите только

печатныя правила пользованія городскою (вѣрнѣе — тоже войсковою) телефонною сѣтью: даже телефонъ бездѣйствуетъ въ первые два дня бàгренья, и открывается только послѣ 4-хъ часовъ, когда наступившая темнота заставляетъ прекратить ловлю.

Мнѣ лично не довелось видѣть ни одного изъ уральскихъ «рыболовствъ». Но по разсказамъ судя, бàгренье—увлекательная картина. Разбитые на небольшія артели, ловцы по пушечному выстрѣлу, «удару», бросаются на высмотрѣнныя еще съ лѣта мѣста, гдѣ рыба залегла на зимнюю спячку; съ необыкновенною быстротой каждый въ одиночку продалбливаетъ небольшую прорубь, сквозь нее небольшимъ багромъ нащупываетъ бѣлугу или осетра и возгласомъ «скоро!» созываетъ артельщиковъ, которые помогаютъ ему вытащить на ледъ огромную рыбу. Словно муравьи копошатся на льду тысячи людей, и въ немного часовъ ледъ покрывается массивными осетровыми или бѣлужьими тушами. Не менѣе эффектна, говорятъ, и «плàвня», когда, тысячи промышлениковъ тоже по «удару», въ одинъ моментъ сбрасываютъ въ воду свои утлыя ладьи и спѣшатъ съ сѣтями, каждый на заранѣе намѣченное для лова мѣсто.

Рыболовство—та область хозяйственной жизни казачества, гдѣ въ наибольшей чистотѣ сохранились старые общинные порядки, хотя, надо замѣтить, и въ этой области общинное самоопредѣленіе въ значительной мѣрѣ вытѣснено распоряженіемъ казачьяго начальства. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ процессѣ производства, другими словами, въ моментъ самого лова, въ наибольшей чистотѣ сохранился принципъ первобытной, до-передѣльной общины:—«каждому по его трудамъ», осложненный, конечно, и другимъ принципомъ: каждому по его удачѣ. Каждый казакъ, будь онъ рядовой или полковникъ, только лично можетъ принимать участіе въ багреньѣ или плавнѣ. Наемные работники на «рыболовства» не допускаются вовсе, и къ найму дозволяется прибѣгать только въ позднѣйшій моментъ—при раздѣлкѣ и посолкѣ рыбы. Капиталъ проникъ пока только въ область сбыта продуктовъ рыболовства, и напримѣръ вся рыба съ низовыхъ промысловъ цѣликомъ скупается десятью или двѣнадцатью рыботорговцами.

Гораздо сильнѣе выражается дифференціація и вліяніе капитала въ другихъ отрасляхъ казачьяго землевладѣнія и хозяйства — въ земледѣліи и особенно скотоводствѣ. Такъ, размѣръ запашки каждаго казака ограниченъ опредѣленнымъ числомъ десятинъ, которое въ нѣсколько разъ повышается для офицеровъ и чиновниковъ, и запахивающій сверхъ этой пропорціи обязывается вносить «акцизъ» въ войсковую кассу. Но акцизъ вносится весьма неисправно, и богачи, засѣвающіе сотни и тысячи десятинъ, предпочитаютъ пользоваться разнаго рода обходными путями, стоющими гораздо дешевле, нежели стоилъ бы акцизъ. Весьма строго регулированы и порядки пользова-

нія покосами: въ первые три дня «валового» покоса каждый казакъ можетъ косить лишь самъ, безъ наемныхъ рабочихъ, и только офицерамъ дозволяется ставить за себя наемныхъ замѣстителей. Въ слѣдующіе три дня дозволяется нанимать по одному работнику, позже уже по два и больше, и такимъ образомъ обычай, не установляя безусловнаго равенства въ пользованіи покосомъ (да въ этомъ не было бы и необходимости, потому что покосовъ пока хватаетъ съ избыткомъ на всѣхъ), однако обезпечиваетъ и бѣдняку возможность накосить сколько ему нужно сѣна. Но богачи скупаютъ паи у бѣдняковъ, и такимъ образомъ накашиваютъ тысячи копенъ. Наконецъ, и право выпаса на войсковыхъ степяхъ ограничено, на каждаго казака, опредѣленнымъ числомъ головъ скота, и за каждую лишнюю скотину тоже полагается «акцизъ»; но мнѣ называли одного казака-скотопромышленника, властвующаго въ районѣ одной изъ уральскихъ станицъ, который ежегодно скупаетъ и нагуливаетъ на войсковыхъ степяхъ до полусотни тысячъ головъ скота, оплачивая акцизомъ какую-нибудь десятую долю этого количества.

Вообще, едва ли гдѣ-либо такъ сильна дифференціація, такъ велика власть богачей и ихъ вліяніе на общественныя дѣла, какъ въ казачьихъ общинахъ и въ частности въ уральской. И, пожалуй, правы тѣ мѣстные люди, которые приводятъ это явленіе въ прямую связь съ полувоенною казачьею общественною организаціей. Станичный или поселковый атаманъ—это офицеръ или въ худшемъ случаѣ урядникъ, воздѣйствующій на рядового казака не только своею выборною властью, но и авторитетомъ своего военнаго чина; а между тѣмъ станичная казачья власть, какъ и сельская власть у крестьянъ, всегда имѣетъ болѣе тяготѣнія къ сильнымъ, богатымъ элементамъ, нежели къ заурядной массѣ казачества.

II.

Зауральская степь.

Въ воздухѣ не менѣе 50 градусовъ. По горячему песку больно ступать въ тонкой обуви, а желѣзные поручни тарантаса, если къ нимъ нечаянно прикоснуться, даютъ впечатлѣнія ожога. Раскаленный воздухъ дрожитъ и колеблется, и на горизонтѣ то тамъ, то сямъ появляется марево: передъ глазами путника разстилаются фантастическія озера; среди нихъ плаваютъ какія-то неясныя очертанія, какъ потомъ оказывается мнимыми, юрты или верблюды, или стога сѣна, а надъ озерами повыше горизонта мерещится сплошная полоса высокаго лѣса. Впрочемъ, иллюзія лѣса иногда является и безъ марева. «На степи,—говоритъ киргизская поговорка,—сурокъ съ сурчатами — что́ верблюдъ съ верблюжатами»; всѣ предметы, выдающіеся надъ ровною поверхностью степи, кажутся издали несоразмѣрно-огромными, и

сплошь и рядомъ вы примете насыпанные сусликами курганы за киргизскія юрты, а поросшій по залежи бурьянъ—за высокую лѣсную заросль.

Начало іюля мѣсяца. А жгучее солнце и горячій вѣтеръ, несущійся изъ средне-азіатской пустыни, съ начала мая не перестаютъ высушивать степь, вытягивая изъ почвы послѣдніе слѣды весенней влаги. Лишь кое-гдѣ, узкою полосою, прошелъ случайный ливень, и такую полосу можно сразу узнать по густой, высокой, ярко-зеленой травѣ или по роскошно наливающемуся хлѣбу. Гдѣ не случилось ливня, тамъ выжженная степь переливаетъ всевозможными комбинаціями бѣдныхъ и тусклыхъ, желтоватыхъ и буроватыхъ тоновъ, рѣзко контрастирующихъ съ ярко-голубымъ, безоблачнымъ небомъ. Палево-желтый ковыль, съ его серебрящимися на косомъ вечернемъ солнцѣ метелками, смѣняется то ярко-желтыми кисточками или султанчиками типца, то сѣро-сизою, некрупною полынью-джусанъ, то приземистою, буроватою майкара *), изъ-подъ которой выступаетъ бѣлесоватая, не то известковатая, не то солонцеватая почва. Кое-гдѣ на этомъ тускломъ фонѣ, то узкими, извилистыми ложбинками «саями», то широкими «лиманами», выдѣляются блѣдно-зеленыя пятна сѣнокосовъ или темно-зеленые квадраты излюбленнаго киргизами проса. Отъ посѣвовъ, большею частью, остались лишь слѣды, сиротливо выдѣляющіеся на сѣромъ или буромъ фонѣ начисто выжженныхъ полей; но гдѣ земля была вспахана съ осени и посѣвъ произведенъ самою раннею весной, тамъ хлѣбъ, несмотря на засуху, стоитъ сплошною стѣной и обѣщаетъ обильный урожай.

На первыхъ перегонахъ отъ Уральска (я ѣду на Темиръ и Муго-джары, пересѣкая Уральскую степь съ сѣверо-запада на юго-востокъ) поминутно встрѣчаются длинные телѣжные обозы, на быкахъ и верблюдахъ, и караваны вьючныхъ верблюдовъ, съ ихъвытянутыми, безобразными шеями и большими умными глазами. Изъ степи обозы и караваны везутъ огромныя кипы шерсти, рѣже кошмы и ковры; въ степь—чугунные котлы, полосовое желѣзо, тюки съ мануфактурою, ящики съ бакалеей, зеркала, рѣшетчатые остовы для киргизскихъ юртъ. Попадаются навстрѣчу и большія отары барановъ, съ полуголыми, темно-бронзовыми погонщиками-киргизами.

Подальше отъ Уральска обозы исчезаютъ, почти не попадается гуртовъ, и на широкой караванной дорогѣ, съ ея десятками параллельно проторенныхъ верблюжьихъ тропъ и колесныхъ слѣдовъ, лишь изрѣдка встрѣчается верховой киргизъ, трусящій своею излюбленною «ходою».

Гдѣ дорога идетъ лѣтовками, степь десятками верстъ пустынна, и ея мертвое однообразіе нарушается только хищными птицами да

*) Киргизское названіе нѣкоторыхъ видовъ полыни.

сусликами. Рыжевато-бурые звѣрьки, этотъ будущій бичъ развивающагося въ степи земледѣлія, съ любопытствомъ высовываются изъ своихъ норокъ, слѣдятъ за приближающимся экипажемъ, а затѣмъ, быстро и граціозно, ныряютъ обратно въ свои подземныя жилища.

Гдѣ дорога пересѣкаетъ долину рѣчки или большого «сая», или гдѣ она тянется вдоль такой долины, — мѣстность принимаетъ болѣе оживленный видъ. Вдоль рѣчекъ и ручьевъ, рѣдкою цѣпью, разбросаны, то по одной, то небольшими группами, киргизскія зимовки: жилые дома изъ саманнаго кирпича или дерна, съ плоскими земляными крышами, съ вынутыми на лѣто оконными рамами и дверьми, и такіеже, тоже саманные или дерновые, только безъ крышъ, загоны для скота; возлѣ многихъ зимовокъ уже стоятъ большіе стога сѣна, и около каждой зимовки—коническія кучки кизяка: у сѣверныхъ киргизовъ кизякъ — единственное топливо, и только дальше къ югу онъ замѣняется одеревенѣлыми корнями кокпека и нѣкоторыхъ видовъ полыни.

Тутъ же, около зимовокъ или немного поодаль, стоятъ киргизскіе аулы, прикочевавшіе на время сѣнокоса. Это группы круглыхъ войлочныхъ юртъ, или, какъ ихъ называютъ киргизы—кошей, съ куполообразнымъ кровомъ, однѣ наглухо закрытыя, другія съ приподнятыми, для провѣтриванія, боковыми полами и пріоткрытымъ сверху «тюндюкомъ». Юрты—то большія, бѣлыя, изъ совершенно свѣжихъ, чистыхъ войлоковъ или кошемъ, то потемнѣе и посѣрѣе, обыкновенно при этомъ и поменьше, то совсѣмъ маленькія, покрытыя до крайности изодранными, заплатанными, почти черными, лоснящимися отъ жира и просвѣчивающими отъ вѣтхости тряпками, утратившими, можно сказать, всякое подобіе кошмы. Около юртъ играютъ до-нельзя грязныя, полуголыя ребятишки и копошатся киргизскія женщины, однѣ въ бѣлыхъ платкахъ, другія въ бѣлыхъ же—обязательно бѣлыхъ—тюрбанообразныхъ головныхъ уборахъ, одѣтыя то въ длинные, неуклюжіе капоты, то въ какія-то шаровары или брюки. Одна моетъ чугунный котелъ—универсальную посуду, служащую и для варки пищи, и для стирки бѣлья, и для формовки кизяка; другая мѣшаетъ въ кожаной сабѣ кумысъ, этотъ національный киргизскій напитокъ; третья что-то чинитъ или штопаетъ; четвертая подтыкаетъ и подтягиваетъ расшатанную вѣтромъ юрту. Ихъ супруговъ и повелителей не видно: кто вынужденъ работать, тотъ пасетъ скотъ гдѣ-нибудь на недалекой лѣтовкѣ, кто можетъ себя избавить отъ этой непріятности—кейфуетъ въ юртѣ, а то уѣхалъ куда-нибудь въ гости, попить кумыса и подѣлиться свѣжими новостями.

Нестерпимо хочется пить. Мы подъѣзжаемъ къ группѣ особенно бѣлыхъ и чистыхъ кошей.

— Кмызъ баръ (кумысъ есть)? — спрашиваю я стоящую у одной изъ юртъ довольно молодую женщину, въ ослѣпительно-бѣломъ головномъ уборѣ и рѣдкостно-чистой, почти европейскаго покроя одеждѣ.

— Пожалуйста, зайдите,—отвѣчаетъ она на чистомъ русскомъ языкѣ съ едва замѣтнымъ киргизскимъ акцентомъ: — отдохните съ дороги, покушайте кумысу.

Я, удивленный, всматриваюсь—лицо какое-то необычное для киргизки, и глубокая скорбь въ темныхъ глазахъ.

И обстановка въ юртѣ не совсѣмъ обыкновенная: къ одѣвающимъ юрту извнутри коврамъ приколото нѣсколько картинокъ, въ томъ числѣ портреты Пушкина и еще кого-то изъ писателей; а изъ пріоткрытаго сундука выглядываетъ нѣсколько книжекъ или брошюръ.

— Откуда,—спрашиваю я, жадно выпивъ первую чашку кумыса,—вы такъ хорошо по-русски говорите?

— Училась въ прогимназіи.

— А потомъ?

— Потомъ, вотъ видите, замужъ вышла, въ степи живу.

Еще пара чашекъ кумыса, и въ путь.

— Не знаешь, чья жена,—спрашиваю я ямщика, обѣднѣвшаго уральскаго казака?

— Какъ не знать... Баймухамета Иманбаева *), третья. Не впрокъ ей наука-то пошла,—сталъ разсказывать ямщикъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ моихъ вопросовъ.—Въ городу-то въ пансіонѣ жила, другую жисть увидала, хлѣбъ выучилась ѣсть. Кончила ученье—ужъ въ грязи да во вшахъ не глянется. Да это бы еще ничего... А то, пока она въ книжкахъ училась, отецъ ее продалъ Дюсенбаю—это у Баймухамета братъ былъ, во вторыя жены. А Дюсенбай года два пожилъ, да и померъ, а она, по ихнему закону, къ Баймухамету перешла. Она, сказываютъ, и въ рѣкѣ топилась, и бѣгала отъ мужа. Губернаторъ тутъ проѣзжалъ—я и везъ его,—вставилъ ямщикъ не безъ гордости,—она къ нему, такъ при всемъ народѣ, съ прошеніемъ: вы, говоритъ, меня въ школѣ учили, такъ я, молъ, не могу по старому заведенію жить. А онъ что можетъ?! Я, говоритъ, противъ вашего закона не могу идти,—пошто́ тебя отецъ въ емназію отдавалъ!..

— А этотъ Баймухаметъ богатый?

— Какъ не богатый! Ужъ коли три жены, значитъ богатый. Лошадей у него, должно, ста три, да рогатыхъ сотъ пять будетъ; деньги въ банкѣ есть; хлѣба тоже сталъ помногу сѣять.

— А это весь аулъ его?—спрашиваю я, указывая на исчезающую на горизонтѣ группу въ четыре или пять кошей, стоявшихъ полукругомъ около обширной и аккуратно построенной, крытой тесомъ зимовки, окруженной обширными хлѣвами и огромными ометами сѣна.

— Его. Вонъ, въ трехъ кошахъ самъ живетъ—у нихъ, вѣдь, у кого двѣ али три жены, у каждой своя юрта. А тамъ вонъ двѣ ки-

---

*) Имена и названія мѣстностей здѣсь и въ дальнѣйшемъ вымышлены.

битки,—онъ указалъ при этомъ на двѣ маленькихъ, черныхъ, ободранныхъ юрты,—байгуши.

— Что̀ это за байгуши?—спрашиваетъ мой спутникъ, которому въ первый разъ довелось быть въ киргизской степи.

— А которые вовсе бѣдные, скота не имѣютъ; вотъ, они около богатыхъ и живутъ. У киргизъ на этотъ счетъ лучше нашего: который бѣдный—за него богатый и подати платитъ; дастъ ему богатый коровенку или двѣ,—съ того онъ и питается; барана богатый зарѣжетъ—байгушъ костями пользуется. А ужъ они у него—что̀ твои, сказываютъ въ Расеѣ были, крѣпостные. Онъ вотъ себѣ откочуетъ на лѣтовку, кумысъ жрать да барановъ ѣсть, а байгуши ему и зимовку укараулятъ, и сѣно накосятъ, и хлѣбъ сожнутъ.

Нигдѣ, можетъ быть, имущественная дифференція не ведетъ за собою такого рѣзкаго соціальнаго разслоенія, какъ среди кочевниковъ. Безскотные киргизы—байгуши или джатаки—это въ полномъ смыслѣ слова паріи, илоты, которые живутъ милостями богатаго «бая» и которыми онъ, дѣйствительно, распоряжается, какъ крѣпостными. Богачи-баи, богатство которыхъ исчисляется тысячами головъ скота и десятками, а то и сотнями тысячъ денегъ,—это «бѣлая кость», маленькіе князьки, власть которыхъ надъ рядовою киргизскою массой усугубляется сохранившимися еще традиціями родового быта и памятью о тѣхъ временахъ, когда эти баи или ихъ отцы были султанами-правителями или дистанціонными начальниками, съ довольно большою административною властью.

Припоминается мнѣ мой визитъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, къ нѣкоему Нурали Асанову, властвующему гдѣ-то невдалекѣ, кажется, отъ города Петропавловска. Раньше прошедшій цѣлый рядъ должностей по киргизскому управленію, потомокъ султановъ, Нурали въ то время не занималъ никакого оффиціальнаго положенія. И тѣмъ не менѣе, когда мнѣ понадобилось ѣхать въ степь, объ этомъ, кромѣ казенныхъ предписаній и открытыхъ листовъ, было написано частное письмо Нурали Асанову, и мнѣ было настоятельно рекомендовано посѣтить его зимовку.

Я не преминулъ исполнить этотъ совѣтъ. Зимовка оказалась обширнымъ каменнымъ домомъ въ 12 комнатъ, и на крыльцѣ этого дома меня встрѣтилъ типичный, полуграмотный киргизъ, но въ очкахъ, въ какой-то полуполицейской формѣ и съ вереницею медалей и чуть ли не орденовъ на шеѣ. Не помню уже, чѣмъ онъ угостилъ меня къ обѣду—на столѣ стояла цѣлая батарея разнообразныхъ бутылокъ и вереница не менѣе разнообразныхъ закусокъ; знаю только, что пріемъ для меня былъ второго, а то третьяго разряда,—кого нужно, Нурали встрѣчаетъ съ оркестромъ музыки, и шампанское льется рѣкою. Послѣ обѣда Нурали ушелъ въ свою юрту (Нурали тоже лѣтуетъ!), разбитую въ полусотнѣ шаговъ отъ дома, а черезъ полчаса я пошелъ туда-же, отда-

вать ему визитъ. Огромная, бѣлая юрта, увѣшанная внутри дорогими текинскими коврами и уставленная горами ящиковъ, въ красиво расшитыхъ войлочныхъ чехлахъ; немного сбоку—широкая желѣзная, позолоченная кровать, съ пружиннымъ матрацомъ, а надъ кроватью къ деревяннымъ «кереге» кибитки подвѣшенъ на длинной лентѣ старшій орденъ Нурали. На почетномъ мѣстѣ, на грудѣ подушекъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ Нурали, уже не въ полицейской формѣ, а въ тонкомъ шелковомъ бешметѣ, и творилъ судъ среди своихъ вѣрнопреданныхъ киргизовъ: попарно, съ низкими поклонами, подходили къ нему тяжущіеся, нѣкоторые—пріѣхавшіе за сотню верстъ; длинно и многословно они излагали сущность своей тяжбы, и Нурали, задавъ два-три вопроса, изрекалъ свои рѣшенія—рѣшенія болѣе крѣпкія, нежели приговоры оффиціальнаго «народнаго суда».

О самомнѣніи и чванствѣ Нурали разсказываютъ не мало анекдотовъ.

«Пріѣзжаетъ какъ-то,—разсказывалъ мнѣ одинъ мѣстный обыватель,—Нурали къ намъ въ городъ, узнаетъ, что пріѣхалъ предсѣдатель суда. Сейчасъ мундиръ, медали—съ визитомъ къ предсѣдателю. Тотъ съ нимъ поговорилъ о томъ, о семъ, а на прощаніе спросилъ, гдѣ онъ остановился. Значитъ, визитъ будетъ отдавать... Нурали сейчасъ домой, облекся въ халатъ, дожидаться визита. Сидитъ часъ, два, три—нѣтъ предсѣдателя. Наскучило ему сидѣть, посылаетъ чавара *) спросить его -ство, можетъ ли онъ, Нурали, отлучиться изъ дому, или долженъ дожидаться визита; тотъ ему въ отвѣтъ--сейчасъ, молъ, буду. А Нурали какъ услыхалъ, что предсѣдатель будетъ—чавара на базаръ; согнали сотни двѣ киргизовъ, кто только подъ руку попался: «смотрите-молъ, какъ меня начальство почитаетъ»...

Вліяніе Нурали даетъ, однако, пищу далеко не одному только его тщеславію и властолюбію. Нечего уже говорить о томъ, что его огромныя стада вытравляютъ десятки тысячъ десятинъ пастбищъ, которыхъ хватило бы для сотни кибитокъ рядовыхъ киргизъ—это, при киргизскихъ порядкахъ землепользованія, совершенно нормально. Но, вѣдь, всѣ тѣ тяжущіеся, которыхъ разбираетъ Нурали, не являются къ судьѣ съ пустыми руками—и правый, и виноватый несетъ ему «бійлыкъ»... Изрядную часть своего скота Нурали раздаетъ на зиму своимъ «кунакамъ», которые кормятъ скотъ, а къ веснѣ возвращаютъ его своему высокому покровителю. И last not least—разсказываютъ о чемъ-то въ родѣ настоящаго сбора даней, которыя Нурали взимаетъ—неизвѣстно за что--съ такихъ киргизовъ, которымъ, казалось бы, до Нурали нѣтъ никакого дѣла.

---

*) Родъ конныхъ разсыльныхъ, которыхъ держатъ при себѣ киргизскія должностныя лица и просто богатые киргизы.

«Посылаетъ Нурали чавара съ письмомъ въ Кентыпскую, скажемъ, волость: «милые мои кентыпцы, я о васъ соскучился и ѣду къ вамъ въ гости»; цѣлый мѣсяцъ ѣздитъ изъ аула въ аулъ, и глядишь—ѣдетъ домой, а за нимъ большой табунъ скота гонятъ: это все ему понадавали подарковъ»...

Да не посѣтуетъ на меня читатель, что я столько времени занималъ его личностью Нурали. Нурали—это не только личность, это собирательный типъ. Такіе Нурали, то болѣе крупные, то помельче, одни въ халатахъ и съ какою-нибудь маленькою медалью, другіе, пожалуй, въ сюртукахъ и даже съ дипломами, раскинули сѣть своего не основаннаго ни на какомъ писанномъ правѣ, но крѣпкаго господства по всей необъятной киргизской степи. Это они скрываются за тою «борьбою партій», которая такъ разлагаетъ общественную жизнь киргизовъ, и проводятъ на якобы выборныя должности управителей, аульныхъ старшинъ и народныхъ судей своихъ сыновей, племянниковъ или просто зависящихъ отъ нихъ людей. Это они время отъ времени появляются въ Петербургѣ въ богатыхъ, съ золотыми галунами, халатахъ и тысячныхъ поясахъ, въ качествѣ «представителей киргизскаго народа», собирая съ рядовыхъ киргизъ десятки тысячъ рублей «на ходатайство» и отстаивая, подъ фирмою «народныхъ», интересы малочисленнаго, но вліятельнаго богатаго класса. Это они первые пустили въ киргизскую степь русскихъ поселенцевъ, сдавая имъ въ аренду огромныя пространства самовольно присвоенной ими общественной земли, и они-же теперь главные противники русской колонизаціи: теперь земля отводится переселенцамъ правительствомъ, и богачи уже не имѣютъ отъ этого никакой выгоды; а подъ заселеніе отдаются тѣ земельные излишки, въ которыхъ рядовой киргизъ, съ его парою десятковъ головъ скота, вовсе не заинтересованъ, но которые необходимы богатому «баю» для его огромныхъ табуновъ.

Вечеретъ. Жаръ начинаетъ спадать. Неподалеку, въ вечерней дымкѣ, виднѣется какая-то рѣчка, вдоль нея—густая цѣпь зимовокъ кое-гдѣ около самихъ зимовокъ—кучки куполообразныхъ юртъ и какихъ-то палатокъ, а по степи, то тамъ, то сямъ, пасутся огромныестада.

Отъ одной изъ зимовокъ отдѣляется фигура верхомъ и вскачь несется намъ на перерѣзъ. Оказывается—взъерошенный, до крайности оборванный киргизъ, съ двумя длинными, только что начавшими подживать, ранами или царапинами на лицѣ и шеѣ. Быстро и взволнованно онъ что-то разсказываетъ по-киргизски, все время показывая то въ сторону зимовокъ, то на пасущіеся табуны.

— Что́ такое?—спрашиваемъ ямщика.

— Адаевцы,—отвѣчаетъ тотъ:—стали на лугахъ, все вытравили—вонъ скота какая сила!.. Стали ихъ сживать, а они драться; ишь какъ его ножами исполосовали...

Черезъ посредство ямщика мы объясняемъ израненному киргизу, что не можемъ ничѣмъ помочь его бѣдѣ. Киргизъ потихоньку плетется назадъ, а мы ѣдемъ своею дорогою.

— Сладу нѣтъ съ этими адаевцами,—продолжалъ ямщикъ:—придутъ съ табунами и станутъ, хоть тебѣ тутъ покосъ, хоть что̀. Станутъ имъ чего говорить, а они: не троньте, молъ, насъ, драться будемъ. И ничего съ ними подѣлать не могутъ: здѣшніе волостные ихъ не знаютъ, а кого и знаютъ—боятся. А пока до уѣзднаго дойдетъ—они и откочуютъ—ищи ихъ!..

Вотъ и Уилъ—бывшее Уильское укрѣпленіе. Въ центрѣ небольшая, совсѣмъ новая каменная церковка; справа—крестьянскій поселокъ Шиповскій, съ правильно расположенными, домами крытыми то тесомъ или желѣзомъ, то соломою; еще правѣе—обнесенная валикомъ старая крѣпость, гдѣ и сейчасъ помѣщается небольшая казачья команда. Слѣва--обширная ярмарочная площадь, а посреди нея—большое каменное зданіе съ помѣщеніями для управленія ярмарки и для многочисленнаго, съѣзжающагося на ярмарку, начальства.

Мы заѣзжаемъ въ это зданіе, и какой-то не то сторожъ, не то писарь начинаетъ хлопотать о самоварѣ.

— Ярмарка удачно прошла?—спрашиваемъ.

— Ничего... Народу больше всѣхъ годовъ съѣхалось—киргизъ тысячъ за пятьдесятъ было, торговцевъ тоже много. Хохлы вотъ въ поселкѣ большія деньги нажили.

— На чемъ нажили?

— Какъ на чемъ! Они на ярмаркѣ и хлѣбомъ торгуютъ, и яйцами. Брали за хлѣбъ по восемь да по десять копеекъ фунтъ, за десятокъ яицъ по сорока да по пятидесяти копеекъ. Хорошее имъ житье!.. Имъ бы и хлѣба сѣять не надо: одними ярмарками да базарами будутъ сыты...

— А все-таки сѣютъ?..

— Сѣютъ. Только плохо здѣсь для пашни: кругомъ-то все подъ ярмарку отведено, а крестьянскій надѣлъ въ одну сторону въ семи верстахъ, въ другую—всѣ десять. И земля тоже: тамъ вотъ—собесѣдникъ нашъ показалъ рукою въ одну сторону—песокъ гольный, а тамъ—горы да глина. Опять же и отъ адаевцевъ плохо: того и гляди все вытравятъ. Много хлопотъ тутъ съ этими адаевцами,—продолжалъ нашъ собесѣдникъ: то у нихъ съ торговцами-татарами джанджалъ *) выйдетъ,—ноньче вотъ изъ-за возжи такое вышло... еле торговцевъ отбили!—то со здѣшними киргизами, то съ крестьянами изъ-за потравы. Ну, а хохлы, тѣ ужъ тоже спуску не даютъ: изловятъ у адаевца скотъ на потравѣ—вдесятеро сдерутъ: и за себя, и за другихъ. Много начальству возни съ адаевцами—ни одна ярмарка не пройдетъ,

*) Скандалъ, драка по-киргизски.

чтобы казаковъ не вывели. Въ прошедшемъ годѣ вышла у нихъ такая драка съ хохлами... мы располагали, намъ всѣмъ конецъ пришелъ; вѣдь казаковъ-то полсотни, да еще кони у нихъ на травѣ ходили,—а ихъ вонъ какая сила!..

— Ну, и что́ же?

— Да ничего,—пронесъ Господь.

Адаевцы—это больной вопросъ и для киргизъ средней полосы Уральской области, и для русскихъ поселенцевъ, гдѣ такіе есть, и для мѣстнаго начальства. И корень этого больного вопроса—въ столкновеніи двухъ культуръ: первобытной кочевой, типичными представителями которой являются адаевцы, и осѣдло-земледѣльческой, сдѣлавшей уже большіе успѣхи на сѣверѣ и въ средней части Уральской области.

Еще не такъ давно вся милліонная масса киргизъ свободно кочевала по необъятному пространству степей, отъ рѣки Чу и озера Зайсана до границъ Тобольской губерніи, и отъ Оренбурга и Троицка до Сыръ-Дарьи и хивинскихъ владѣній. Киргизы не имѣли постоянной осѣдлости и даже зиму проводили въ юртахъ, для теплоты обкладывая ихъ снѣгомъ и навозомъ. Земледѣлія вовсе не было. Скотоводство имѣло совершенно первобытный характеръ: киргизы не заготовляли сѣна, и скотъ зиму и лѣто оставался на подножномъ корму. На зиму киргизъ-кочевникъ уходилъ на югъ—на Чу, на Сыръ-Дарью, въ хивинскія владѣнія, гдѣ легче было перетерпѣть сравнительно мягкую зиму, а главное—гдѣ скотъ легко могъ добывать изъ-подъ неглубокаго снѣга отросшую послѣ осеннихъ дождей траву. При первыхъ признакахъ весны, въ мартѣ или въ февралѣ, киргизъ снимался съ зимового стойбища, навьючивалъ свой скарбъ на верблюдовъ и вмѣстѣ со своимъ скотомъ спѣшилъ на сѣверъ, чтобы воспользоваться, при перекочевкѣ, свѣжею весеннею травою и остатками снѣговой воды на безводныхъ и безплодныхъ въ теченіе всего лѣта степяхъ и пустыняхъ, отдѣляющихъ лежащіе на югѣ зимовочные районы отъ тучныхъ ковыльныхъ пастбищъ сѣверной степи. Здѣсь, на сѣверѣ, киргизы проводили два, три, четыре лѣтнихъ мѣсяца, а съ приближеніемъ осени откочевывали на югъ, чтобы во время осеннихъ дождей перейти обратно голодныя степи и пустыни и во-время добраться до песковъ, гдѣ киргизы охотнѣе всего становились на зимовку.

Въ тѣ времена вся степь представляла собою одинъ, для всѣхъ открытый кочевой путь, необъятный и безпредѣльный: каждый киргизъ могъ кочевать въ любомъ направленіи и пасти свой скотъ, гдѣ ему было угодно и удобно,—и только привычка и соображенія чисто практическаго удобства заставляли каждаго держаться какого-нибудь одного пути и останавливаться на лѣтовку на однихъ и тѣхъ-же урочищахъ: на своемъ обычномъ пути киргизъ зналъ, гдѣ найти воду

и удобное мѣсто для ночлега, гдѣ искать корма; главное же—на этомъ пути онъ могъ всегда найти своихъ родовичей, а потому чувствовалъ себя не такимъ одинокимъ среди необъятнаго степного простора.

Теперь совсѣмъ не то. Отчасти благодаря примѣру русскихъ, съ которыми киргизы приходили все въ болѣе близкое соприкосновеніе, главнымъ же образомъ подъ вліяніемъ прироста населенія и сокращенія прежняго безграничнаго земельнаго простора, киргизы стали усваивать земледѣліе и параллельно съ этимъ переходить къ осѣдлымъ формамъ быта. У громаднаго большинства киргизъ сѣверныхъ областей — формы быта у сыръ-дарьинскихъ киргизъ пока совершенно иныя — теперь есть постоянныя зимнія жилища—зимовки, и при нихъ крытыя, болѣе или менѣе теплыя, помѣщенія для скота; громадное большинство киргизъ коситъ сѣно на зиму, и все болѣе и болѣе среди киргизъ распространяется земледѣліе. У значительной части киргизъ все это пока — на зачаточной ступени: зимовки — жалкія землянки, напоминающія жилища троглодитовъ; помѣщенія для скота—легкіе шалаши, на зиму обкладываемые дерномъ и снѣгомъ; сѣно косится только для дойныхъ кобылицъ и рогатаго скота; весь остальной скотъ круглый годъ содержится на подножномъ корму, и только больные и слабые экземпляры кое-какъ подкармливаются сѣномъ; земледѣліе—ничтожные посѣвы проса на кое-какъ поцарапанной, допотопнымъ омачемъ, землѣ. Но во многихъ мѣстностяхъ эволюція киргизскаго хозяйства ушла уже значительно дальше. Возьмите хотя бы среднюю часть Актюбинскаго уѣзда, Тургайской области. Проѣзжая по Илеку, вы видите здѣсь сплошную цѣпь киргизскихъ селеній, съ аккуратно сложенными саманными домами, съ такими же теплыми хлѣвами, и каждая усадьба окружена огромными стогами сѣна и ометами обмолоченной соломы. Сѣна каждый домохозяинъ накашиваетъ тысячи пудовъ, и сотни тысячъ пудовъ проса продаются киргизами на ближайшихъ базарахъ. Параллельно идутъ и глубокія измѣненія во всемъ хозяйственномъ и домашнемъ быту киргизовъ: хлѣбъ, правда не печеный (хлѣба печь киргизы еще не выучились!), а въ видѣ похлебки или лепешекъ, становится предметомъ первой необходимости; кумысъ, съ сокращеніемъ коневодства, замѣняются айраномъ — кислымъ коровьимъ молокомъ, разбавленнымъ водою; въ обиходъ киргизовъ все больше проникаютъ фабричныя ткани, и гдѣ-нибудь по близости Уральска не рѣдкость увидѣть на киргизѣ русскую жилетку: среди киргизъ, особенно среди богатыхъ и вліятельныхъ, уже не мало такихъ, которые тяготятся верховою ѣздою, предпочитая ѣздить въ «ходкѣ» или крытомъ тарантасѣ, а для перекочевокъ и для перевозки кладей, вмѣсто вьючныхъ верблюдовъ, употребляются арбы или телѣги, запряженныя верблюдами или быками. И что́ особенно важно—совершенно измѣняется самый характеръ, такъ сказать, размахъ перекочевокъ. Киргизъ, кося-

щій сѣно и сѣющій хлѣбъ, уже не можетъ откочевывать за сотни и тысячи верстъ отъ своихъ зимовокъ, покосовъ и полей: въ апрѣлѣ онъ долженъ пахать и сѣять, а въ концѣ іюня начинается покосъ, который, чередуясь съ уборкою хлѣба, затягивается до поздней осени. Свободны отъ полевыхъ работъ какіе-нибудь два мѣсяца, которые киргизъ и проводитъ на ближнихъ лѣтовкахъ, въ тридцати, много пятидесяти верстахъ отъ своей зимовки. Къ началу сѣнокоса киргизъ уже прикочевываетъ къ зимовкамъ и покосамъ,—и только у богатыхъ часть скота остается на лѣтовкѣ, какъ прежде, до глубокой осени.

Попутно съ этимъ процессомъ осѣданія киргизовъ идетъ процессъ освоенія отдѣльныхъ участковъ степи, ранѣе составлявшей общее киргизское достояніе. Исключительнымъ достояніемъ отдѣльныхъ ауловъ, этихъ мельчайшихъ ячеекъ киргизскаго общежитія, а то и просто отдѣльныхъ семей, становятся прежде всего мѣста подъ зимовками и прилегающія къ нимъ площади овечьихъ пастбищъ; затѣмъ—сѣнокосы, которыхъ сравнительно мало и которыми, поэтому, дорожатъ несравненно болѣе, нежели простою пастбищною степью и даже чѣмъ землею, годною для распашки. Необъятная степь мало-по-малу испещряется безконечнымъ множествомъ отдѣльныхъ усадебныхъ, пахатныхъ, покосныхъ владѣній,—и этимъ сильно затрудняется кочеваніе даже и по тѣмъ необъятнымъ пространствамъ, которыя продолжаютъ еще пока числиться общимъ достояніемъ. Чуть распустить табунъ—онъ забредетъ на чью-нибудь пашню или сѣнокосъ, а потому, вмѣсто прежней вольной пастьбы, поневолѣ приходится держать скотъ подъ постояннымъ надзоромъ пастуховъ.

Адаевцы—одно изъ самыхъ многочисленныхъ киргизскихъ племенъ—послѣдніе могикане стараго, чисто кочевого быта и хозяйства. Еще не зная постоянныхъ зимнихъ жилищъ, они круглый годъ живутъ въ юртахъ или даже джуламейкахъ — небольшихъ двускатныхъ войлочныхъ палаткахъ. Превосходные овцеводы и коневоды—адаевскія лошади на славѣ въ Оренбургѣ и Уральскѣ!—они до сихъ поръ не сѣютъ хлѣба и не косятъ сѣна, а потому, въ поискахъ подножнаго корма и воды, до сихъ поръ продолжаютъ совершать тысячеверстныя перекочевки: къ зимѣ—въ пески и камыши Аральскаго побережья и Закаспійской области, къ началу лѣта—на ковыльныя и полынныя степи средней полосы Уральской области; здѣсь, на ярмаркахъ въ Уилѣ и Темирѣ, они обмѣниваютъ скотъ и шерсть на тѣ немногіе покупные продукты, которые уже вошли въ кругъ ихъ несложнаго потребленія. И вотъ, все болѣе съ каждымъ годомъ, имъ приходится сталкиваться съ новыми формами хозяйства и владѣнія землею: гдѣ еще недавно была общая лѣтовка,—тамъ, оказывается, выросла чья-нибудь зимовка, распахана пашня, поставлены стоги. Увѣренные въ своемъ исконномъ правѣ, адаевцы все же разбиваютъ свои

джуламейки на мѣстахъ, гдѣ лѣтовали ихъ дѣды и отцы; самый скотъ ихъ, не привыкшій къ стѣсненіямъ, разбредается, не разбирая ни пашенъ, ни покосовъ. Отсюда безконечныя потравы, непрерывныя распри, въ которыхъ всегда вооруженные, смѣлые, какъ истые кочевники, адаевцы не останавливаются и передъ насиліемъ, а ихъ полуосѣвшіе сородичи охотнѣе обращаются къ защитѣ подлежащаго начальства. И не трудно предвидѣть, чѣмъ кончится эта борьба. Уже теперь адаевцы ходатайствуютъ объ отводѣ мѣстъ подъ зимовки,— и можетъ быть, черезъ немного лѣтъ и они сдѣлаются такими-же полуосѣдлыми полуземледѣльцами, какими сдѣлались уже киргизы средней полосы Уральской и Тургайской области.

Изъ Темира—жалкаго степного поселенія съ нѣсколькими сотнями жителей—я ѣду къ Мугоджарскимъ горамъ. Благодаря любезности путейскаго начальства, я попадаю въ рабочій поѣздъ строющейся Ташкентской желѣзной дороги, въ единственный «классный» вагонъ III класса, въ отдѣленіе, предназначенное, какъ гласитъ надпись, для построечной аристократіи: «для старшихъ агентовъ и подрядчиковъ» строющейся дороги. Кромѣ насъ, однако, въ отдѣленіи помѣщаются и другія лица, не принадлежащія къ этому почтенному сословію: какой-то господинъ въ полицейской формѣ и два или три господина въ фуражкахъ съ гражданскими кокардами. Поѣздъ довольно быстро мчится, энергично потряхивая по небалластированному пути. Изъ оконъ, по обѣимъ сторонамъ, видна все та-же сѣро-желтая, слегка увалистая степь; какъ будто только больше сѣро-сизаго джусана и сѣро-бурой май-карà, съ проглядывающею изъ-подъ нея бѣлесоватою почвой. Навстрѣчу поѣзда, по «времянкѣ», иногда попадаются верховые киргизы, по одиночкѣ или небольшими группами, но киргизы уже не въ жилеткахъ и низкихъ татарскихъ шапкахъ, какъ въ окрестностяхъ Уральска, а въ четыреугольныхъ остроконечныхъ шапочкахъ или ушастыхъ малахаяхъ и въ пестрыхъ, яркихъ цвѣтовъ, бухарскихъ халатахъ. Поравнявшись съ поѣздомъ, киргизъ останавливается и провожаетъ глазами «шайтанъ-арбу», а то заворачиваетъ лошадь и скачетъ нѣкоторое время въ перегонку съ «чортовою таратайкой».

— Ишь, мерзавцы, бездѣльники—негодуетъ господинъ въ полицейской формѣ:—нажрались кумысу въ гостяхъ и скачутъ, подлые...

— Чѣмъ это они, Петръ Васильичъ, такъ васъ разгнѣвали?—недоумѣваетъ одинъ изъ господъ съ кокардами, какъ потомъ оказалось—врачъ:—вѣдь это довольно невинное удовольствіе, немножко проскакать въ перегонку съ поѣздомъ, а вы кипятитесь, точно ни вѣсть что!..

— Какъ чѣмъ-съ!—вспыхнулъ Петръ Васильевичъ.—Вы вотъ здѣсь вновѣ, не знаете, что̀ за народъ: лѣнтяи, лодыри! Только у нихъ и дѣла, что кумысъ лакать да въ гости ѣздить! Вы посмотрите только, какъ онъ, мерзавецъ, работаетъ: взмахнетъ раза два косой—и отды-

хать! трава и достаивается до осени, а что̀ въ ней тогда толку? все равно, что солома... Или пашни ихнія—вѣдь срамъ смотрѣть, какъ они землю ковыряютъ. Воры всѣ—поголовные: ни одного нѣтъ, кто бы лошадь не укралъ, если подвернется, или не помогъ бы конокраду перевести лошадь!..

— Ну, знаете ли, насчетъ воровства, пожалуй, что вы немного и того!.. Первое дѣло—вѣдь не всѣ же киргизы, въ самомъ дѣлѣ, конокрады или укрыватели; а потомъ, конокрадство—это вѣдь особь-статья. Киргизъ до сихъ поръ душою кочевникъ; для него лошадь не только «живой инвентарь», а спортъ, охота; увести лошадь—не безчестное дѣяніе, а проявленіе удали, смѣлости, память о временахъ вооруженной баранты; это его излюбленная месть за всякую обиду и несправедливость. Возьмите у насъ голубиную охоту: какой завзятый голубятникъ постѣснится переманить чужого голубя? такъ и у киргиза насчетъ лошадей... Знаете ли вы,—продолжалъ господинъ съ кокардой,—я какъ-то разъ попалъ въ лечебницу для душевно-больныхъ въ Казани и видѣлъ тамъ одного киргиза—настоящая «бѣлая кость»; такъ знаете, какъ онъ всѣмъ рекомендуется? «я,—говоритъ,—внукъ султана Аблайхана и извѣстный конокрадъ»... Ну, а въ другомъ, пожалуй, нѣтъ народа честнѣе, нежели киргизы. Вѣдь у него въ юртѣ ничего не запирается: отлучается куда-нибудь семья—перевяжутъ поперекъ двери арканъ, и все тутъ: ни одинъ киргизъ никогда не войдетъ въ юрту. Вы можете у бѣднѣйшаго киргиза оставить тысячную сумму—ни копейки не пропадетъ. Вотъ, положимъ, каравай хлѣба или конецъ веревки—это ужъ не оставляйте: больше не увидите!.. Или вотъ вы все твердите: лѣнтяи да лѣнтяи. А откуда здѣшнему кочевнику-киргизу было взять привычку пахать и косить? Вѣдь онъ и сейчасъ только балуется пашней, а давно ли они и не косили? А возьмите на казачьей линіи: кто на казака работаетъ? все киргизъ: казакъ знай себѣ киргиза поругиваетъ: лѣнтяй, да лодырь, да орда нехрешшоная,—а то и «тварью» обзоветъ; а киргизъ ему и пашетъ, и коситъ, и молотитъ, и за скотомъ ходитъ. Напротивъ, знаете ли, поражаться надо, какъ быстро они пріучаются къ земледѣлію!..

— И очень жаль, что пріучаются,—съ новымъ жаромъ подхватилъ господинъ въ полицейской формѣ:—для киргиза земледѣліе—не благо, а зло-съ; не способствовать надо развитію земледѣлія, а всемѣрно препятствовать! Пока киргизы были скотоводами, за ними ни недоимокъ не было, ни этихъ кормежекъ имъ не устраивали—жили себѣ безбѣдно, а то и богато. А теперь вотъ новыя вѣянія—земледѣліе насаждать, русскую культуру... Вѣдь съ развитіемъ земледѣлія скотоводство упадетъ, а сохраненіе киргизскаго скотоводства—дѣло общегосударственное-съ! Откуда теперь лошадей берутъ для оголодавшихъ мужиковъ? Откуда мы будемъ брать ремонтъ для кавалеріи? Все изъ киргизской степи-съ! А разведемъ земледѣліе—въ урожай еще больше завалимъ

рынки хлѣбомъ, а въ неурожай — пожалуйте продовольственныя ссуды-съ!..

— Ну, и это тоже подъ большимъ сомнѣніемъ. Вы вотъ, Петръ Васильичъ, все съ волостными управителями имѣете дѣло да съ богатыми баями, такъ съ ихъ голоса—простите меня—и поете. Кто благоденствуетъ при кочевомъ быту? Вѣдь только богачъ со своими тысячными табунами; а бѣдняки—сами знаете, какъ они живутъ, чѣмъ питаются—хуже собаки! Знаете и то, что̀ значитъ киргизская безнедоимочность: богачъ внесетъ впередъ за весь аулъ, а потомъ и выбираетъ съ бѣдноты, вдвойнѣ да втройнѣ. А главное—про куянжилы * забыли?., Хороша устойчивость хозяйства! придетъ куянъ, настанетъ гололедица—и бывшій богачъ, если не поспѣлъ отогнать скотъ куда-нибудь за тридевять земель, становится чуть не байгушомъ—у цѣлыхъ ауловъ скотъ до-чиста вываливается...

Я не знаю, чѣмъ кончился споръ у моихъ случайныхъ попутчиковъ. На станціи Мугоджары я долженъ былъ сходить, чтобы верхомъ проѣхать немного въ горы, а потомъ посмотрѣть прилегающую степь Горы по величинѣ игрушечныя — въ теченіе двухъ часовъ, верхами, мы взобрались на три вершины и перебрались черезъ четыре или пять переваловъ. Тѣмъ не менѣе это настоящія горы: голыя скалы, поросшія лишаями самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ; лишь кое-гдѣ горная порода немного вывѣтрилась, и въ такихъ мѣстахъ до самаго верху всползаетъ тотъ самый ковыль и тѣ самыя полыни, которыя такъ наскучили намъ на ровной степи. Среди скалъ—множество глубоко врѣзавшихся извилистыхъ долинокъ, гдѣ какъ-то успѣлъ образоваться толстый слой чернозема, съ прекраснымъ травянымъ покровомъ, а кое-гдѣ и съ мелкою лѣсною порослью.

По одной изъ такихъ долинокъ выбираемся на слегка всхолмленную степь и скачемъ къ виднѣющимся вдали, какъ бы оторвавшимся отъ Мугоджаровъ, скаламъ. Съ нами нѣсколько киргизовъ, между ними волостной управитель, почти интеллигентный человѣкъ, окончившій не то учительскую, не то фельдшерскую школу.

Скакать приходится по неширокой долинѣ ручья Тасъ-Булакъ, т.-е. «каменный ручей» большая часть киргизскихъ названій мѣстностей—не что иное, какъ описаніе ихъ характерныхъ признаковъ. Это—сплошь роскошный лугъ. По всему лугу разсыпаны косящіе или гребущіе сѣно киргизы, а по окраинѣ долины, на небольшихъ интервалахъ, стоятъ зимовки—у каждаго киргиза среди освоеннаго имъ сѣнокоснаго участка.

---

*) Куянжилъ—годъ зайца,—каждый 12-ый годъ по киргизскому лѣтосчисленію; приблизительно въ 12-лѣтніе промежутки времени повторяются страшныя безкормицы, особенно обостряемыя „джутомъ“—гололедицею и буранами; скотоводство въ такіе годы сокращается, въ общихъ итогахъ, на половину и болѣе, а затѣмъ постепенно возстановляется до слѣдующаго куянжила.

Поднимаемся по отлогому увалу на степь. Степь то суглинистая, съ джусаномъ и май-кара, то супесчаная, поросшая типчакомъ или рѣдкимъ ковылемъ. Кое-гдѣ, исключительно по супесчаной почвѣ, мѣстами чуть не на сыпучемъ пескѣ, небольшія полоски, засѣянныя просомъ или брошенныя въ залежь послѣ двухъ или трехъ посѣвовъ.

— Отчего это у васъ все по песку посѣвы?—спрашиваетъ управителя мой товарищъ-агрономъ.—Вѣдь глинистыя земли куда лучше?

— Глину вовсе пахать нельзя... У насъ считаютъ—гдѣ песокъ, тамъ пашня, а глину не годится пахать; да и какъ ее вспахать нашими омачами!.. Вотъ на глинѣ зато корма хороши! больно хороши!

— Какіе же корма?—восклицаемъ мы.—Одна полынь!

— Помилуйте! какъ не корма?—Вотъ посмотрите, майкарà,—и нашъ управитель показалъ рукою на буроватую, рѣдкую полынь:—ее всякій скотъ хорошо ѣстъ, нагуливается.

— И лошади?—спрашиваемъ мы, привыкшіе къ тому, что лошадей можно кормить только самою лучшею травой.

— Лошади-то и ѣдятъ. А то вотъ кокъ-пекъ, чагыръ—тоже всякій скотъ хорошо кушаетъ. Вотъ посмотрите—это эбелекъ, показалъ намъ управитель на сѣровато-зеленыя шапки какого-то колючаго бурьяна: —адаевскія лошади все больше имъ отъѣдаются—лучше овса!

Я слѣзаю съ лошади, срываю пару такихъ шапокъ, которыя чуть не колютъ руки, и подношу своей лошади; лошадь, дѣйствительно, ѣстъ съ величайшимъ аппетитомъ.

— Чортъ знаетъ что̀ такое!—негодуетъ товарищъ-агрономъ.—Вотъ тутъ и основывайся на ученіи о кормовыхъ средствахъ, когда у нихъ скотъ всякую мерзость ѣстъ! Недалеко тутъ съ нашею агрономіей уѣдешь!

Вотъ, однако, и «гнилыя скалы»—Котуръ-тасъ. Точно остатки какихъ-то доисторическихъ укрѣпленій, выдаются невысокія гряды скалъ, образуя что-то въ родѣ правильнаго прямоугольника, отъ котораго во всѣ стороны отбѣгаютъ каменныя ребра, едва выдающіяся надъ поверхностью земли.

На Котуръ-тасѣ кипитъ жизнь: заготовляется камень для желѣзной дороги, и нѣсколько артелей каменьщиковъ-туляковъ разбили свои землянки у ручья, протекающаго у подножья скалы.

Мы останавливаемся у землянокъ—отдохнуть и утолить томящую жажду. Одинъ изъ каменьщиковъ приноситъ изъ ручья холодной, кристально-чистой воды. Завязывается разговоръ—прежде всего, конечно, о работѣ и заработкахъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, каменьщики работаютъ задѣльно, на отрядъ.

— А почемъ на день заработаете?

— Да рубля по два выйдетъ на брата.

— Дварубля!—восклицаетъ киргизскій управитель.—Вѣдь это шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ! Въ Темирѣ чиновники меньше получаютъ жалованья...

— А прожить-то намъ чего стоитъ! Вѣдь здѣсь ничего не достать: за хлѣбъ отдай по четыре да по пяти копеекъ фунтъ, за барана— сколько вашъ братъ киргизъ заломитъ, столько и отдай. Половину заработка проѣдаемъ. А работа-то какая! ваши вотъ киргизы возятъ камень, сколько зарабатываютъ,—а это дѣло легкое. А вотъ поломали бы себѣ горбы камень тесать—поглядѣли бы...

— А киргиза,—спрашиваю,—можно выучить камень тесать?

— Выучишь его! Лѣнивъ онъ—не станетъ, за двадцать верстъ убѣжитъ.

— А захотѣлъ бы, можно бы выучить?

— Какъ не можно! И медвѣдя учатъ! Вотъ, кабы приходилось ему ренду платить, какъ нашему брату, по двадцать рублевъ за десятину, тутъ' бы и камень тесать выучился. А сейчасъ чего ему—степь вольная, владѣй сколько хочешь...

Пока каменотесъ-тулякъ коротко и отчетливо излагалъ такимъ образомъ формулу экономическаго прогресса, наши киргизы заинтересовались небольшимъ точильнымъ камнемъ, который между дѣломъ обтесалъ кто-то изъ каменотесовъ. Одинъ изъ киргизовъ нечаянно выплеснулъ на камень остатки воды, которую камень жадно впиталъ въ себя.

— Ой-бо-о-о-ой!—воскликнулъ изумленный киргизъ. И всѣ киргизы, въ томъ числѣ и почти интеллигентный, видавшій виды управитель, присѣли на корточки, вокругъ камня, и съ дѣтскимъ любопытствомъ, съ возгласами «ой-бо-о-ой», подливали воду на камень, покачивая головами и изумляясь диковинному явленію...

III.

Бродячая Русь.

Путь нашъ лежитъ вдоль пологаго увала, вытянувшагося вдоль рѣки Хобды. Ковыльная степь съ рыхло-супесчаною, темнобурою почвой; кое-гдѣ небольшія пятна чего-то въ родѣ солонца—бѣлесоватая почва, едва прикрытая рѣдкою полынью. Мѣстами неширокія, безпорядочно раскиданныя полосы киргизскихъ пашенъ, съ выжженными засухою посѣвами проса; затѣмъ, опять на много верстъ, цѣлинная пастбищная степь, на которой въ это время не видно ни киргизовъ, ни ихъ стадъ. Затѣмъ, картина сразу измѣняется: по обѣ стороны дороги, на нѣсколько верстъ, тянутся сплошныя пашни, уже не узкими полосками, а широкими «холстами» или «стеклами»; просо теряется въ сплошномъ морѣ пшеницы-кубанки, которая мало пострадала даже отъ одолѣвшей край засухи.

— Киргизскія пашни?—спрашиваемъ мы ѣдущаго съ нами волостного управителя.

— Нѣтъ, русскія; этотъ участокъ имъ въ аренду сданъ.

— Что же это, самую лучшую землю имъ сдали, что хлѣбъ такой хорошій?

— Земля, пожалуй, не лучше, а только они съ осени пашутъ подъ перегаръ, да рано весной сѣютъ,—вотъ хлѣбъ у нихъ и взялъ силу до большихъ жаровъ. А наши киргизы поздно посѣяли, хлѣбъ у нихъ и посохъ.

Вотъ, однако, и Джиренькупинскій базаръ: большой каменный волостной домъ, довольно обширная базарная площадь, а въ сторонѣ— русскій самовольный поселокъ, возникшій лѣтъ двѣнадцать тому назадъ и съ тѣхъ поръ, съ непреклонною вѣрой въ конечный успѣхъ, добивающійся и земельнаго надѣла. Сначала самовольцевъ было всего четырнадцать семей — все больше мелкіе торговцы, ютившіеся около базара и скромно арендовавшіе у мѣстнаго аульнаго общества нѣсколько десятковъ десятинъ пахатной степи. Къ 1895 году набралось ихъ уже до полусотни семей, опять-таки всякаго сброда, сошедшагося со всѣхъ концовъ русской земли,—и они уже начинаютъ ходатайствовать объ отводѣ имъ, распоряженіемъ правительства, земельнаго надѣла. Имъ отказываютъ; киргизы, которымъ наскучили постоянныя распри и которые были бы рады избавиться отъ непрошенныхъ гостей, рѣшительно отказываются сдавать имъ землю въ аренду, — тѣмъ не менѣе поселенцы сидятъ и посейчасъ, и поселокъ разросся уже чуть не до трехсотъ домовъ. Мѣстное начальство не перестаетъ внушать крестьянамъ, что они не могутъ разсчитывать на отводъ земельнаго надѣла. Но поселенцы—живые люди; имъ нельзя дать подохнуть съ голоду—и то-же начальство вынуждено всякими мѣрами склонять киргизовъ сдавать переселенцамъ, хотя бы на короткій срокъ, необходимую имъ землю подъ посѣвъ. Это—исторія десятковъ, если не сотенъ русскихъ самовольныхъ поселеній, раскинувшихся то поодиночкѣ, то группами, по всей сѣверной полосѣ киргизскихъ степей. Въ областяхъ Акмолинской и Тургайской переселенцы, въ концѣ концовъ, уже добились своего: имъ отведены или отводятся земельные надѣлы, и русская колонизація вошла въ болѣе или менѣе правильное русло. Не подлежитъ сомнѣнію, что то-же будетъ и въ Уральской области, и что Джиренькупа изъ киргизскаго базара сдѣлается большимъ русскимъ поселеніемъ.

Омывъ съ себя дорожную пыль и грязь, мы пошли бродить по площади. Вотъ рядъ войлочныхъ и досчатыхъ лавокъ, гдѣ торгуютъ въ одной—лукомъ и огурцами, въ другой—паласами (ковры безъ ворса) и кошмами, въ третьей—дегтемъ, въ четвертой—просомъ и мукою, а въ концѣ—небольшой щепной рядъ съ оглоблями, колесами, осями и всякою лѣсною мелочью. По широкой улицѣ, между лавокъ, бродятъ джиренькупинскіе поселенцы-крестьяне въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о сбродномъ характерѣ населенія; казаки-оренбуржцы изъ пограничныхъ станицъ,

въ фуражкахъ съ синими околышами; киргизы верхами то подъѣзжаютъ къ лавкамъ, купить какую-нибудь мелочь, то, больше, стоятъ посреди улицы живописными верховыми группами и оживленно разговариваютъ, обмѣниваясь новостями. Нѣсколько въ сторонѣ скотскій базаръ—неогороженная площадь, гдѣ такіе-же киргизы, кристьяне и казаки продаютъ кто лошадь, кто корову, жестоко запрашивая и сопровождая торгъ безконечными рукобитьями. И надъ всѣмъ этимъ жесточайшая пыль, запорашивающая глаза и покрывающая все сѣроватымъ налетомъ.

— Какъ у васъ ноньче хлѣба? — спрашиваю я, подходя къ небольшой группѣ крестьянъ.

— Да разно, ваше почтеніе. Вотъ старожители—тѣ во-время посѣяли—у нихъ ничего хлѣба, можетъ, видали по дорогѣ...

— Видалъ. А какіе это старожители?

— А сорокъ семь-то семей. У нихъ вотъ ужъ семой годъ пятьсотъ десятинъ въ арендѣ; ну, они, значитъ, во-время и спахали, и посѣяли. Ну, а насъ, новенькихъ, семей до двухсотъ; намъ киргизцы вовсе не хотѣли земли сдавать. Спасибо уѣздному начальнику—самъ на ихній сходъ пріѣзжалъ, насилу уломалъ; да и то только на годъ согласились сдать триста десятинъ — по полторы, значитъ, десятины на брата. Всю осень этакъ мы съ ними пробились,—пахать, значитъ, пришлось весной, посѣвъ поздный, ну, хлѣбъ безъ мала что весь и пропалъ... Только кто частно у киргизца землю укупилъ, да во время спахалъ, у того и хлѣбъ есть.

— Ну, а потомъ что будете дѣлать?

— Да что Господь дастъ, ваше почтеніе. Киргизцы уходить велятъ, опять же и начальство объясняетъ, чтобы уходили, надѣла, молъ, не будетъ. Видно придется намъ куда на другое мѣсто уходить, гдѣ правительство земли отводитъ.

А глаза моего собесѣдника такъ лукаво поблескиваютъ изъ-подъ густыхъ бровей...

— А можетъ и милость отъ начальства выйдетъ,—вмѣшивается въ разговоръ другой крестьянинъ, ранѣе молчавшій:—они, вѣдь, что? нехристи, орда, а мы царскіе, въ солдатахъ служимъ, всѣ тяготы несемъ, не миновать того, что намъ землю отведутъ; храмъ тоже Божій построили, неужто киргизцамъ оставлять?!

— А много васъ сейчасъ здѣсь сидитъ?

— Да не сочтешь настояще; которые приходитъ, а многіе и поуходили—позорились вовсе: когда засуха ударитъ—не родится хлѣбъ; когда сусликъ повредитъ, аль кобылка, а когда и такъ случится, что сдадутъ киргизцы землю — частно значитъ, потому по приговорамъ они не стали сдавать, а потомъ и назадъ отберутъ.

— А глянется вамъ,—спрашиваю,—здѣшнее мѣсто?

— Чего тутъ глянется—худое здѣсь вовсе мѣсто:—глина да соло-

нецъ! вотъ который ужъ годъ сидимъ, а хлѣба настоящаго не видали. Какое здѣсь житье! вотъ только тѣмъ и живешь, что около базара кой-чего промыслишь, а то кладь какую свезешь, кой-что заработаешь.

— Зачѣмъ же вы здѣсь сидите, хлопочете о надѣлѣ, когда мѣсто такое худое? Шли бы въ Кустанайскій уѣздъ, гдѣ землю отводятъ!

— Да и поразошлись которые! Вонъ ихъ сколько на чугункѣ живетъ—зарабатываютъ. А которымъ все-таки жалко; землянки поскладали, какія ни на есть, опять же храмъ Божій...

Подхожу къ другой небольшой группѣ поселенцевъ. Опять тѣ-же вопросы: давно ли живутъ, какой хлѣбъ, какіе урожаи.

— Да больно тоже не похвалишь здѣшнія мѣста! Слабый грунтъ: два раза кубанку посѣешь,—на третій годъ она ужъ и не поднимается: приходится русскую сѣять, а на четвертый годъ развѣ ужъ только рожь родится *). Вотъ для проса—ужъ чего говорить!—хороша земля: по три года кряду падалица родится, по сту пудовъ даетъ, а то и больше.

— А пшеница?

— Да въ добрый годъ сотню пудовъ дастъ съ сороковой десятины, а то и сто двадцать.

— И что̀ ты врешь!—вмѣшиваются другіе крестьяне, прислушивавшіеся къ нашему разговору:—ты что-ль, Петруха, по сту пудовъ намолачивалъ?! Вотъ люди по десятку лѣтъ живутъ, а все голодаютъ, по сороку десятинъ которые сѣютъ, а все хлѣба нѣтъ! Тридцать да сорокъ пудовъ—вотъ здѣшніе урожаи, да еще въ добрый годъ!..

— Оно конечно,—начинаетъ выпутываться сконфуженный Петруха, сообразившій, что онъ попалъ не въ тотъ тонъ, котораго слѣдовало держаться съ наѣзжимъ, невѣдомо по какимъ дѣламъ, бариномъ:—земля здѣсь жидкая, слабая; вотъ у казаковъ—у тѣхъ земля! и урожаи у нихъ не нашинскіе!

— Ладно, разсказывай,—вмѣшивается стоящій тутъ-же синій околышъ.—грунтъ одинъ, да еще здѣсь свѣжая земля, вѣковѣчная, а у насъ на линіи ужъ сколько ее, матушку, ковыряютъ.

Проходятъ мимо киргизъ и крестьянинъ, оживленно разговаривающіе по-киргизски.

— Всѣ у васъ по киргизски говорятъ?

— Всѣ-то не всѣ: изъ стариковъ мало которые выучились, а молодяжникъ, пожалуй, что и всѣ говорятъ по ихнему. Нельзя—живемъ съ ними, какъ не говорить... Кунаки у которыхъ есть—они на это охочи: придетъ—сейчасъ давай чаю да кренделей. Ну, вѣстимо, и самъ угоститъ, коли къ нему пріѣдешь,—они на этотъ счетъ просты:

---

*) Такіе четыре посѣва подрядъ возможны, конечно, лишь при большомъ плодородіи почвы. *Авт.*

и барана зарѣжетъ! Можно съ ними жить-то! Конечно, сдастъ онъ тебѣ землю, ну, ужъ тутъ отъ него не отдѣлаешься: то тѣмъ угости, то того дай; а не угодишь—отниметъ землю, и нѣтъ на него управы, потому частно мы у нихъ арендуемъ, безъ бумаги. Ну, конечно, и мы тоже: заплотишь ему за пять десятинъ или за десять, а кто ихъ мѣрилъ, десятины-то! Вотъ только сейчасъ опасаться стали—землю молъ подъ поселокъ отнимутъ; ну, и норовятъ—какъ бы насъ выжить...

Еще группа крестьянъ, какого-то неопредѣленнаго обличья—не то хохлы, не то великороссы: оказывается—нѣчто среднее: хохлы, успѣвшіе пожить и «на донщинѣ», и «въ самарѣ», и на господскомъ участкѣ въ Оренбургскомъ войскѣ. Опять тѣ же разговоры: земля, урожаи, храмъ Божій, надежды на милость начальства. Одинъ изъ разговаривающихъ все время не перестаетъ въ меня внимательно всматриваться.

— Ровно, ваше благородіе, я тебя ужъ видалъ, — говоритъ онъ наконецъ, обращаясь ко мнѣ: — ты въ Боровскомъ поселкѣ, подъ Кустанаемъ, когда бывалъ?

— Бывалъ,—отвѣчаю я: дѣйствительно, семь лѣтъ тому назадъ я объѣзжалъ поселки Кустанайскаго уѣзда, изучая земельныя отношенія русскихъ поселенцевъ.

— Ну, вотъ стариковъ ты звалъ, насчетъ земли говорить, — и я тутъ былъ, тебѣ обсказывалъ.

— Такъ ты и въ Боровскомъ поселкѣ тоже успѣлъ пожить,—изумляется мой товарищъ по поѣздкѣ, ранѣе уже выслушавшій длинное повѣствованіе о скитаніяхъ нашего собесѣдника.—Когда это ты поспѣлъ?!

— Да вѣдь мнѣ, ваше благородіе, шестой десятокъ доходитъ, а съ отцовщины-то меня еще дѣдъ увелъ, махонькій былъ. Я еще и въ Кустанаѣ жилъ, въ вольномъ городѣ *)—изъ первыхъ жителей былъ, какъ начальство накликъ дѣлало Кустанай населять.

— Что́ же, хорошо было въ вольномъ городѣ?

— Больно хорошо!.. Народу первое время мало было, киргизы вовсе были просты, землю нипочемъ отдавали: угостишь его мало-мало, дашь ему тамъ зеркальце аль чего́ другого — онъ тебѣ земли безъ мѣры отведетъ—паши на здоровье. Выгонъ тоже городской пахали—въ первые года недѣленый былъ, у кого сколько силы было, столько и запахивалъ. Ну, опять же и воля была: начальства никакого не было; изъ писарей только кокой-то былъ, Ивановымъ

---

*) Кустанай—нынѣ уѣздный городъ Тургайской области, въ 300 верстахъ южнѣе Челябинска. Городъ возникъ въ 1878 году, по иниціативѣ мѣстной администраціи, и сдѣлался центромъ самовольной русской колонизаціи сѣверной Тургайской степи. Исторію его см. въ моей книгѣ „Переселенцы-арендаторы Тургайской области“, Спб., 1896.

звали, — ну, мы его въ старостà выбрали, онъ у насъ всѣми дѣлами и правилъ. Потомъ ужъ стали начальство присылать: судью прислали, изъ киргизцевъ, потомъ лѣсничаго, уѣздный сталъ наѣзжать,— ну, тоже, и на нихъ мало глядѣли. Какъ что́ съ киргизцами выйдетъ—сейчасъ въ дреколья, аль тамъ чего. Народъ тоже всякій былъ: съ каторги которые попали, бѣглые значитъ. Киргизцы-то — какъ стали споры насчетъ земли выходить—къ лошадямъ нашимъ стали подбираться: какъ на межѣ чего выйдетъ—глядишь, лошадей десятка аль полуторыхъ какъ не бывало. Ну, наши тоже спуску не давали: на кого подумаютъ—безъ суда вѣшали да въ колодцахъ топили, которыхъ, ужъ правду сказать, пожалуй, и занапрасно. Троихъ киргизцевъ у судьи въ оградѣ убили—самъ едва живой ушелъ: ты, молъ, самъ изъ нехристей, конокрадовъ укрываешь... Лѣсъ рубить въ Ары *), бывало, по сотнѣ подводъ заразъ выѣзжало—полѣщикъ и подступиться не смѣлъ—развѣ на какого одинокаго нападетъ, опишетъ. Лѣсничій пріѣхалъ, сталъ лѣсъ продавать, а народъ на него: гдѣ, молъ, у тебя царская грамота?! Хорошо судья подъѣхалъ, улестилъ народъ, а то бы и лѣсничаго, пожалуй, порѣшили... а пока судъ да дѣло—лѣсъ-то весь по дворамъ растащили—такъ лѣсничій ни съ чѣмъ остался. На уѣзднаго разъ насѣли—за попомъ послалъ, тотъ съ иконой вышелъ; насилу угомонился народъ!.. Ну, потомъ ужъ того не стало: казаковъ въ Кустанаѣ поставили, уѣздный на жительство перешелъ. Ну, тоже не сразу смирились: только съ голоднаго году — вотъ тому десятокъ лѣтъ былъ, аль поболѣ—присмирѣли: поразбрелись тоже которые: кто на Ишимъ ушелъ—знаешь небось, подъ Кочетовомъ **) городомъ—тамъ нашихъ мно́-ого; кто въ Ташкентъ, кто въ поселки да на хутора—безъ мала что половина народу поразбѣжалась...

— И ты въ то время ушелъ изъ Кустаная?..

— Нѣтъ, я-то пораньше, годовъ за пять: шесть лѣтъ я прожилъ въ Кустанаѣ. Утѣсненіе стало, городскую землю всю выпахали, хлѣбъ не сталъ родиться, ну, которые у киргизцевъ покортомили землю,—а я такъ себѣ расположилъ, что лучше въ деревнѣ жить. Въ тѣ поры Игнатій Семеновъ—можетъ припомнишь, ваше благородіе, онъ тоже къ тебѣ приходилъ, какъ ты народъ опрашивалъ—сталъ народъ собирать на Боровое озеро. Ну, я домъ свой продалъ—хорошій барышъ взялъ, потому въ то время народу много приходило еще въ Кустанай, да и перешелъ на Боровое.

— Ну, что́ же, тамъ какъ жилось?

— Да ничего—годовъ десятокъ прожилъ. По началу общество-то маленькое было. Я какъ пришелъ, домовъ десятка три засталъ, съ пяткомъ, пожалуй. Ну, ладовъ тоже большихъ не было: по началу-то,

---

*) Аракарагайскій боръ, недалеко отъ Кустаная.

**) Кокчетавъ, Акмолинской обл.—одно изъ переселенческихъ эльдорадо.

сказываютъ, было тихо-смирно: наши-то, пока въ умаленьѣ были, киргизцевъ не трогали, аренду платили, да и киргизцы нашимъ тоже уважали. Много народу тоже киргизы пускать не хотѣли: себѣ, молъ, земля нужна. А вотъ, какъ изъ Кустаная Худяковы перешли—пять семей ихъ было,разомъ пятьдесятъ рублей за пріемъ заплатили,—киргизцы-то, какъ такія деньги увидѣли, ровно сбѣсились: кто придетъ—переночевать не даютъ—деньга̀, молъ, надо; кто переночуетъ—утромъ ужъ приходятъ: давай деньги за пріемъ, не то ступай вонъ. Которые изъ нихъ по-умнѣй—пытали унимать, а они хоть бы что̀: «земля,—говорятъ,—много, сдавай больше». Опять-же и Игнатій Семеновъ своею волею тоже принимать сталъ народъ; ни общества не спрашивалъ, ни киргизцевъ, а такъ, самовольно: могарыча возьметъ, тамъ пятерку или десятку, и пишетъ въ списокъ; въ два года эдакъ за сто семей напринимали. Ну, тутъ ужъ киргизцы видятъ, дѣло плохо, большое село стало, да и наши тоже имъ спуску давать не стали. Почали киргизцы насъ выживать: озеро купцу Поспѣлову сдали—тотъ насъ и водой сталъ тѣснить, и моху не сталъ давать, аль рыбки половить—спасибо уѣздному: Поспѣлова прогналъ и озеро намъ велѣлъ сдать. Пришелъ срокъ нашимъ усадьбамъ—у насъ подъ усадьбы-то мѣсто на десять лѣтъ было окортомлено, отъ общества ихняго: киргизцы говорятъ: не станемъ больше вамъ сдавать, ступайте себѣ, куда хотите. Ну, опять уѣздный выѣзжалъ: сходъ ихній собралъ, и такъ ихъ и этакъ—и кричалъ на нихъ, и добромъ говорилъ—ну, сдали опять мѣсто подъ поселокъ да подъ выгонъ. А сейчасъ, сказываютъ, имъ ужъ и настоящая нарѣзка вышла,—землемѣры пріѣзжали, года два ходили.

— Ну, а ты-то что̀ же?

— Да я, баринъ, не сталъ жить: тоже, какъ земля повыпахалась, изъ Борового много народу поразошлось: кто на Ишимъ-же ушелъ, кто по ауламъ сталъ жить у киргизъ, исполу пахать, кто подъ хуторъ окортомилъ землю. Ну, я тоже пошелъ,—на Аульекулѣ озерѣ года два пожилъ.

— Это что̀ за озеро?

— А за Арами, по Тургайскому тракту. Школа тамъ волостная была, киргизцы подъ нее землю отвели. Ну, крестьяне про это провѣдали и стали проситься на жительство. Пошли къ инспектору, который насчетъ училищъ,—а тотъ говоритъ: «проситесь у губернатора». Ну, тѣ губернатора сождали, какъ онъ ѣхалъ,—стали прошеніе подавать. А тотъ имъ: «ладно,—говоритъ,—селитесь, коли инспекторъ дозволитъ; а только,—говоритъ,—насчетъ земли сходитесь съ киргизцами по согласію, надѣла, молъ, вамъ не будетъ». Ну, мы опять къ инспектору,—тотъ бумагу далъ къ учителю,—учитель и отвелъ мѣста подъ усадьбы, на самой межѣ участка. По началу туговато пришлось: хлопотали насчетъ выгону да полевой земли—къ уѣздному начальнику

прошенія подавали, губернаторъ проѣзжалъ,—ничего не выходитъ: «я,—говоритъ,—жить вамъ дозволилъ на участкѣ, ежели вамъ глянется, а насчетъ земли ничего не могу—земля киргизская». А киргизцы земли сдавать не хотятъ, мы ихъ и такъ и этакъ—не даютъ приговора на землю, да и только: не хотимъ, молъ, а то у насъ землю подъ поселокъ возьмутъ. Такъ и жили—кто частно сниметъ сколько ему надо, кто изъ третьей части съ киргизцами напетъ. А дождались-таки своего: въ третьемъ годѣ и на Аульекуль землемѣръ пріѣхалъ, надѣлъ сталъ отводить. Только неладно каково-то отвелъ: пашня далеко, покоса нѣтъ, къ самому поселку казенный лѣсъ подошелъ,—я и не сталъ тамъ жить: услыхалъ про Жиренькупу, продалъ домашность, да и пошелъ сюда...

— А много здѣсь, въ Джирень-купѣ, кустанайцевъ?

— Есть которые—со всего свѣту здѣсь народъ сошелся. Вонъ мужичокъ стоитъ—тотъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ жилъ, на Новоуральскомъ хуторѣ.

— А родомъ ты откуда,—обратился я къ указанному мнѣ, довольно молодому, здоровенному мужику въ красной кумачной рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ.

— Отецъ-то Тульской губерніи былъ. Да я ужъ на хуторѣ родился, въ въ Уфимской губерніи, — башкирскій участокъ наши отцы купили да хутора построили. Только не пожилось имъ тамъ: пока земля была непаханая—хорошо родился хлѣбъ; а какъ повыпахалась—хоть сѣй, хоть нѣтъ. Продали землю и пошли по арендамъ жить: кто у башкиръ-же покортомилъ землю, а кто—офицерскіе участки; мой вотъ родитель—онъ не больно справный былъ, такъ онъ пошелъ на линію, у казаковъ землю снималъ, въ Орскомъ уѣздѣ. Пожилъ годовъ съ десятокъ—тоже житья не стало, станичники прижимать начали; и за усадьбу подай, и за скотину, и за водопой, и за то, и за другое, а подъ конецъ отъ ихняго начальства приказъ вышелъ: вовсе не сдавать земли иногороднимъ. Поглядѣлъ мой родитель, да и пошелъ жить въ Новоуральскій хуторъ.

— Какъ же онъ туда попалъ?

— А ходатель сговорилъ. Отецъ-то, какъ выжили его изъ станицы, съ мѣсяцъ въ Орскомъ городѣ прожилъ — мѣсто призыскивалъ. Ну, еще съ однимъ мужичкомъ сговорились, да и высмотрѣли мѣсто на киргизской землѣ. Киргизцы—тѣ ничего: живете, молъ, земли у насъ достаточно. Восемь кибитокъ ихъ было. Вотъ, и сдѣлали наши условіе: поселку быть не болѣе пятнадцати домовъ, подъ жилье да огороды мѣсто на самомъ Уралѣ, подъ хлѣбопашество сколько нужно; плата—двѣсти рублевъ въ годъ. Написали условіе—къ уѣздному пошли просить дозволенія. Да не тутъ то было: «ты,—говоритъ,—мнѣ приговоръ отъ аульнаго схода подай, а то я почемъ знаю, кто вамъ землю отдаетъ—можетъ, и не его земля». Собрали сходъ—шесть дней поили и

кормили выборныхъ, подарки имъ давали—безъ мала полтысячи рублей приговоръ сталъ.

— Что же, пятнадцать дворовъ набрали?

— Какое тебѣ пятнадцать!.. одинъ за однимъ—за полсотни набралось. Много изъ-за этого спору было въ обществѣ: условіе-то съ киргизцами на шестерыхъ хозяевъ было писано—они и принимали новенькихъ; а прочимъ-то обидно—зачѣмъ молъ эти шестеро пріемными деньгами да магарычами пользуются,—ренду, молъ, всѣ собча платимъ. До уѣзднаго доходило, тотъ велѣлъ деньги промежъ всѣхъ дѣлить. Съ киргизцами тоже много было дѣловъ. Какъ отъ нашихъ они деньги получили за первый годъ—не подѣлили какъ-то промежъ себя, пошли споры да тяжбы,—до того дѣло дошло, аулъ надвое раздѣлился. А въ поселкѣ набралось много народу—земли-то, которую спервоначатія окортомили, и не хватило. Стали киргизовъ улещать—еще земли чтобы сдали; четверо киргизцевъ согласились, а четверо—нѣтъ. Бились-бились—нѣтъ промежъ ихъ согласія. Подѣлили киргизцы землю напополамъ—четверо свою землю намъ отдали,—а Берестанъ Баймуратовъ да еще трое такъ и не сдали, а земля-то ихняя подъ самый поселокъ подошла: потравы тутъ всякія пошли. Берестанъ съ прошеніями до губернатора доходилъ: наши у нихъ скотъ загоняютъ, они у нашихъ посѣвы травятъ; ну, побились, побились, да и пошли прочь—отецъ мой, значитъ, да еще которые. Потомъ, слыхать, у нихъ и суды были, и бои выходили—не дай Богъ.

— А вы что же, прямо сюда?

— Нѣтъ, еще на хуторѣ пожили годовъ пятокъ, за Актюбой, Каргала есть рѣчка—больно хороши тамъ мѣста!.. Впятеромъ сняли землю у киргизцевъ. Ну, тутъ спокойно жили, хорошо: товарищи собрались спокойные, хорошіе. Киргизцы тоже смирные попались, земля—отдай все и мало.

— Что же вы не остались жить?

— Да отъ начальства запрещеніе вышло: мы-то, какъ контрактъ отошелъ, ладили было оставаться и условіе написали, аульный сходъ угостили—все честь-честью. Пошли къ уѣздному начальнику,—анъ-нѣтъ: новые, говоритъ, порядки вышли: землю арендовать отъ волостного схода. Посудили мы—порядили, потолковали съ тѣмъ да съ другимъ—выходитъ несходное дѣло: волостному управителю дай, да писарю дай, да всѣмъ выборнымъ по пятеркѣ, да угощать ихъ, а киргизы, чья земля значитъ, тоже несогласны: «наша,—говорятъ,—земля,—не позволимъ волостному сходу нашу землю сдавать». Побились-побились, да и пошли прочь...

Александръ Кауфманъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

(*Продолженіе* *).

По средне-азіатской дорогѣ.

IV.

У хорошенькаго, ослѣпительно бѣлѣющаго на яркомъ южномъ солнцѣ красноводскаго вокзала, съ его вычурными восточными узорами и граціозными полуарками, стоитъ готовый къ отправкѣ пассажирскій поѣздъ, съ бѣлыми или блѣдно-желтыми вагонами, чтобы не такъ поглощать солнечные лучи. Съ высоко приподнятаго перрона—чудный видъ на изумрудно-зеленую Красноводскую бухту, съ ея пристанями и съ нагружающимися и разгружающимися пароходами. По другую сторону вокзала городской садъ—довольно большая, чѣмъ-то огороженная площадь, засаженная чахлыми, выжженными солнцемъ, едва достигающими человѣческаго роста, деревцами какихъ то неизвѣстныхъ мнѣ породъ, а кругомъ въ видѣ амфитеатра расположился весь городъ,—одноэтажные, ярко-бѣлые или блѣдно-голубые домики съ плоскими азіатскими крышами,—окруженный амфитеатромъ невысокихъ, лишенныхъ всякой растительности горъ.

Первый звонокъ. Публика стремглавъ бросается въ вагоны, второклассные и первоклассные пассажиры осаждаютъ начальника станціи разными основательными и неосновательными претензіями: второклассный пассажиръ не желаетъ сидѣть въ купэ, куда «затесались» сарты, и требуетъ на этомъ основаніи, чтобы его перевели въ первый классъ; первоклассные пассажиры прибѣгаютъ къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы остаться подвое (а хорошо бы и одному!) въ четырехмѣстномъ купэ; начальникъ станціи мечется, чтобы поудобнѣе устроить въ первомъ классѣ многочисленную семью какого-то средней руки желѣзнодорожнаго служащаго, съ безконечными кульками, корзиночками и самоваромъ, и, не успѣвъ въ этомъ, приказываетъ прицѣпить лишній вагонъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 9, сентябрь 1904 г.

Наконецъ, суматоха затихаетъ. Третій звонокъ, поѣздъ трогается. Публика начинаетъ облегчать свою одежду: дамы облекаются въ тончайшіе капоты, дѣти остаются въ однихъ рубашкахъ и передникахъ. Потъ со всѣхъ катится градомъ.

— Помилуйте, тридцать три градуса въ вагонѣ—это что-жъ такое!—жалуется пассажиръ, первый разъ попавшій въ Среднюю Азію.

— Это, батенька, что,—утѣшаетъ его другой, мѣстный:—вѣдь ужъ августъ мѣсяцъ, какія теперь жары! Вотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ вагонахъ чуть не до сорока доходило—вотъ это плохо было! Въ то время, вѣдь, и ночью градусовъ тридцать стояло, а теперь ночью, вотъ увидите—совсѣмъ прохладно.

— Двадцать два года живу въ краѣ, — слышу разговоръ въ другомъ концѣ поѣзднаго клуба — вагона-столовой, а не могу къ этимъ проклятымъ жарамъ привыкнуть! Чѣмъ дальше, тѣмъ тяжелѣе! Просто не живу все лѣто, а страдаю...

Поѣздъ, однако, отошелъ отъ Красноводска и идетъ сначала, нѣсколько станцій кряду, вдоль самого берега Каспійскаго моря. Голая, сѣровато-бурая пустыня, съ изрѣдка сидящими, то бурыми, то сѣрыми, то ярко-зелеными шапками «колючки»—двухъ-трехъ видовъ не то бурьяна, не то кустарника, которые только одни и могутъ выносить нестерпимый зной и лѣтнее безводье этой пустыни.

Станціи—маленькіе бѣленькіе домики; около нихъ—ни травинки, не говоря уже о традиціонныхъ станціонныхъ садикахъ и огородахъ. Во всѣ стороны, кряду отъ станціи, все та-же бурая, унылая пустыня. На станціяхъ ни души, кромѣ очередныхъ станціонныхъ служащихъ. На одной станціи пробую напиться чаю,—нѣтъ возможности пить мутную, солоновато-горькую бурду...

На первой же станціи, потомъ на другихъ, нашъ поѣздъ скрещивается съ «водянкой»: это — поѣздъ изъ платформъ съ громадными водяными баками или изъ употребляемыхъ подъ перевозку воды нефтяныхъ резервуаровъ. И красноводская, и всѣ ближайшія къ ней станціи не имѣютъ своей воды, и получаютъ воду со станціи Джебелъ, въ 125 верстахъ отъ Красноводска.

Джебелъ проѣзжаемъ уже поздно вечеромъ. Я успѣваю, однако, замѣтить, что станція окружена довольно большимъ садомъ, что по платформѣ движутся какія-то высокія фигуры въ черныхъ, мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ, что третьеклассная публика несетъ къ себѣ въ вагоны кто бутылку молока, кто каравай хлѣба, кто арбузъ или дыню.

Гдѣ вода, тамъ и жизнь!..

Мало воды, мало и жизни, до самого Асхабада, а пожалуй и дальше, до Чарджуя и бухарской границы. Мѣстность до послѣдней степени однообразна: ровная, плоская степь или пустыня, только не бурая, какъ около Красноводска, а сѣровато-желтая, то усѣянная

тоже рѣдкими шапками разнообразной «колючки», съ ея удивительными влагосберегающими и затѣняющими приспособленіями, то покрытая блѣдно-желтымъ ковромъ какой-то мелкой и тощей, совершенно высохшей травки. Параллельно желѣзной дорогѣ тянется невысокая, также совершенно голая, покрытая безконечными складками, горная цѣпь Копетъ-дага.

На этой пустынѣ не видно никакихъ признаковъ жизни и культуры, и только изрѣдка въ окнѣ вагона мелькаетъ одинокій тощій верблюдъ, уныло подбирающій бурую колючку, или показывается всадникъ въ мохнатой бараньей шапкѣ, потихоньку пробирающійся невѣдомо куда. Однако, кое-гдѣ начинаютъ попадаться какія-то развалины, мѣстами еще сохранившія очертанія саклей или оградъ, мѣстами превратившіяся въ простыя кучи глины; вокругъ каждой такой развалины степь изрѣзана слѣдами дѣйствовавшихъ когда-то оросительныхъ канавокъ, и гдѣ-нибудь поблизости непремѣнно вьется высохшее ложе горнаго ручья. Что это? слѣды былыхъ войнъ и междоусобій, или просто высохла вода въ ручьѣ, а съ нею изсякла и жизнь?!. *)

Вотъ, однако, начинаетъ попадаться и живая жизнь: здѣсь нѣсколько рослыхъ человѣческихъ фигуръ, точно вылитыхъ изъ темной бронзы, въ однихъ широкихъ штанахъ и огромныхъ бараньихъ шапкахъ, углубляютъ и расчищаютъ сухое ложе оросительной канавки. Тамъ, около самого полотна дороги, разбросано нѣсколько квадратиковъ темно-зеленой люцерны или рослой джугары **). Тутъ подъ желѣзнодорожнымъ мостикомъ протекаетъ небольшая канавка съ оросительною водой, и гдѣ-нибудь поодаль виднѣется питаемый этою канавкой туркменскій кишлачекъ — свѣтло-сѣрыя глинобитныя стѣны, свѣтло-сѣрые глинобитные домики, съ плоскими или куполообразными крышами, окруженные темною зеленью садовъ и блѣдно-зелеными или желтыми, мелко-разбитыми квадратиками полей. На поляхъ копошатся рослыя фигуры туркменъ, всѣ въ тѣхъ-же огромныхъ бараньихъ шапкахъ, кто полуголый, кто въ короткой, темной, неподпоясанной рубахѣ съ пестрыми разводами; незанятые работой—въ буровато-красныхъ, съ черными полосками, халатахъ бухарскаго фасона.

Это начинается такъ недавно покоренный Ахалъ-Текинскій оазисъ. Сѣро-желтая почва той безплодной равнины, которую дорога прорѣзываетъ почти отъ самаго Красноводска,—знаменитый средне-азіатскій лёссъ, ожидающій только орошенія, чтобы изъ безотрадной пустыни превратиться въ хлопковое поле или роскошный фруктовый садъ. Когда-нибудь человѣкъ достанетъ эту воду, и тогда закаспійскія пустыни, съ

---

*) По мнѣнію покойнаго академика Коржинскаго, обиліе развалинъ въ этой мѣстности — слѣдствіе именно недостатка воды, заставившаго бросить многія ранѣе разрабатывавшіяся земли и перенести аулы на другія мѣста.

**) Мѣстное названіе сорго.

ихъ плодороднымъ лёссомъ и горячимъ солнцемъ, будутъ кормить сотни тысячъ, если не милліоны, новаго населенія. Но пока въ распоряженіи туземцевъ—только немногіе мелкіе ручьи, стекающіе съ Копетъ-дага, и потому небольшіе аулы и незначительныя площади посѣвовъ, почти до самого Асхабада, теряются среди необъятной пустыни.

А вотъ и памятникъ недавняго завоеванія: около станціи Геокъ-Тепе—развалины туркменской крѣпости, прославившейся мѣсячною геройскою защитой, съ ея высокими, чуть-что не отвѣсными лёссовыми стѣнами. Внутри крѣпости—братская могила безвѣстныхъ героевъ-солдатъ, павшихъ при штурмѣ, а у входа въ крѣпость, въ полусотнѣ шаговъ отъ станціи, небольшое, хорошенькое зданіе «военно-историческаго музея», съ разными реминисценціями текинскаго похода. Чуть не весь поѣздъ—офицеры, текинцы, дамы, персіяне, гимназисты—устремляется въ музей; я иду вслѣдъ за другими.

Музей—какъ всѣ военно-патріотическіе музеи; самый интересный экспонатъ—карты, принадлежавшія Скобелеву и, повидимому, бывшія съ нимъ во время текинскаго похода: нѣсколько картъ знаменитыхъ осадъ, съ пространными критическими примѣчаніями русскаго полководца, и небольшая, тоже съ его помѣтками, карта театра войны. Карта эта—англійскаго изданія.

Отъ Геокъ-Тепе къ Асхабаду—уже сплошной оазисъ: непрерывная цѣпь кишлаковъ или ауловъ, потонувшихъ въ зелени пирамидальныхъ тополей или развѣсистыхъ карагачей; около глинобитныхъ саклей разбросаны камышевыя юрты, въ которыхъ проводятъ лѣто туркмены, хотя и осѣвшіе, но не забывшіе еще кочевыхъ традицій Вокругъ—обширныя поля, изрѣзанныя арыками и, какъ и вездѣ, разбитыя на маленькія клѣтки; однѣ изъ этихъ клѣтокъ только что политы подъ какой-то посѣвъ, на другихъ лѣсомъ стоитъ джугара или стелется арбузная ботва, на третьихъ стоятъ высокія кучи уже обмолоченной и измельченной соломы—самана, а около этихъ кучъ текинцы, въ бараньихъ шапкахъ, молотятъ хлѣбъ, гоняя по нѣскольку запряженныхъ въ рядъ быковъ или лошадей.

— Славный народъ,—говоритъ попутчикъ, старый туркестанскій офицеръ, выглядывая изъ окна столоваго вагона:—посмотрите, какіе здоровенные, молодецъ къ молодцу; и настоящіе труженики, не то, что персюки или сартишки.

— Сартовъ-то вы напрасно обижаете,—возражаетъ другой пассажиръ, статскій:—вы вѣрно по городскимъ сартамъ судите, ну тѣ, конечно, больше норовятъ надуть или смошенничать. А кишлачный сартъ, земледѣлецъ, такой-же труженикъ, какъ и туркменъ.

— А скажите,—вмѣшивается въ разговоръ третій пассажиръ, впервые ѣдущій въ край:—война съ ними—развѣ она была серьезная? Вотъ въ музеѣ я видѣлъ ихъ самопалы да единственную пушку—развѣ это оружіе?!

— Оружіе-то, конечно, неважное. А какъ они имъ владѣютъ! ни одного выстрѣла онъ даромъ не пуститъ! А потомъ—у нихъ, вѣдь, и англійское оружіе было, почище нашего. А главное дѣло—сами-то настоящіе герои, чудные всадники. Нѣтъ, это, знаете ли, противникъ былъ настоящій, не то, что, вотъ, нонче китайцы! За тѣхъ-то и Георгія получатъ какъ-то неловко, а текинскій Георгій—это въ самомъ дѣлѣ Георгій... Да и сейчасъ-то: вы не глядите, что они на видъ такіе смирные! или вотъ тоже сартишки: кулдукъ дѣлаетъ, руки къ брюху прижимаетъ, а выведите отсюда одинъ корпусъ—они вамъ покажутъ!..

И страна, дѣйствительно, на военномъ положеніи. На станціяхъ кишмя кишатъ солдаты всѣхъ родовъ оружія, въ бѣлыхъ рубахахъ и характерныхъ красныхъ шароварахъ изъ туземной замши, какія читатель, вѣроятно, помнитъ по туркестанскимъ картинамъ Верещагина. На каждой станціи въ нашъ поѣздной клубъ заходятъ пѣхотные, казачьи, желѣзнодорожные, пограничные офицеры, требуютъ водки или пива и разговариваютъ объ окладахъ, лагерныхъ сборахъ и производствахъ.

За Асхабадомъ оазисъ скоро смѣняется опять безводною степью: тотъ же желтоватый лёссъ, покрытый большею частью блѣдно-желтою рѣденькою травкой. Раннею весною эта степь покрыта сплошь зеленою травою, густо усѣянною всевозможными цвѣтами; но въ какой-нибудь мѣсяцъ все это выгараетъ до тла, и на степи не остается ничего, кромѣ приспособившейся къ засухѣ «колючки» и пожелтѣвшихъ метелочекъ высохшей травы. Мѣстами лёссовая степь прерывается неширокими полосками песковъ. Эти песчаныя полоски не только не выдѣляются особеннымъ безплодіемъ—напротивъ, онѣ покрыты лучшею растительностью и болѣе цѣнны для населенія, нежели неорошенный лёсъ: на пескахъ растутъ высокіе, кудрявые кусты саксаула, дающаго столь драгоцѣнное здѣсь топливо, и матеріалъ для обжига на уголь; на нихъ даже косятъ мелкую травку въ пескахъ всегда близко подпочвенная вода, и зимою пески—излюбленныя мѣста для стоянокъ кочевниковъ... Но пески въ этомъ видѣ—это спящій звѣрь, который никого не трогаетъ, пока его не раздразнили...

А отъ Мерва до Чарджуя, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ вы видите проснувшагося, разнузданнаго звѣря: дорога сплошь идетъ сыпучими песками, которые за ночь покрываютъ васъ, черезъ открытое окно вагона, густымъ слоемъ тончайшей пыли. И эти пески не вездѣ голы: и здѣсь попадаются то единичные экземпляры, то негустыя заросли саксаула или джиды. Но гдѣ человѣкъ уничтожилъ эти заросли, когда-то скрѣплявшія песокъ своими вѣтвистыми корнями, тамъ на версты и десятки верстъ тянутся зловѣщіе, темножелтые барханы: пустыня сплошь какъ бы покрыта длинными, темно-желтыми песчанными волнами, круто обрывающимися къ югу и отлого спускающимися къ сѣверу, откуда дуютъ господствующіе вѣтры. И чуть легкій

вѣтерокъ — все это море песку начинаетъ точно дымиться; песокъ потихоньку пересыпается съ мѣста на мѣсто, барханы медленно плывутъ одинъ за другимъ, въ направленіи господствующаго вѣтра, занося и полотно желѣзной дороги, и культурныя земли прилегающихъ къ пескамъ оазисовъ.

Вообще, человѣкъ, такъ много сдѣлавшій здѣсь, чтобы оживить мертвую природу, много сдѣлалъ и для того, чтобы разнуздать тѣ гибельныя силы, которыя ранѣе сдерживались ея мудрою распорядительностью. Онъ вырубилъ саксаулъ, чтобы сжечь его на уголь, и тѣмъ привелъ въ движеніе сыпучіе пески. Онъ вырубилъ въ горахъ фисташки и арчи *), скрѣплявшія своими корнями склоны горъ, вытравилъ травяной покровъ, задерживавшій атмосферную влагу и регулировавшій ея стокъ, и этимъ вызвалъ обвалы и бурные «силевые» потоки, которые весною низвергаются съ горъ, не только тратя безъ пользы для культуры драгоцѣнную воду, но затопляя и занося камнемъ обработанныя земли и размывая оросительныя сооруженія. И десятки, а то и сотни лѣтъ пройдутъ, пока, съ громадными затратами, онъ вновь засадитъ лѣсомъ и заростить травою горы и пески и исправитъ послѣдствія своего былого легкомыслія.

За громаднымъ двухверстнымъ Чарджуйскимъ мостомъ, подъ которымъ протекаютъ свѣтло-шоколадныя, отъ массы увлекаемыхъ теченіемъ частицъ взвѣшеннаго лёсса, воды Аму-Дарьи, дорога идетъ бухарскими владѣніями.

— За границу выѣхали! — острить кто-то изъ пассажировъ въ поѣздной столовой.

— Какъ не за границу!—отзывается другой, только-что покупавшій фрукты:—посмотрите, и деньги не наши.

И всѣ начинаютъ разсматривать грубо отчеканенныя серебряныя «теньги», величиною приблизительно съ нашъ пятіалтынный.

— По курсу онѣ до сихъ поръ ходили,—говоритъ пассажиръ изъ мѣстныхъ коммерсантовъ, — когда по 16, а когда и по 18 коп., сей часъ-то наше начальство установило постоянный курсъ; а то бывало наѣдутъ наши купцы въ Бухару хлопокъ закупать—безъ тенегъ обойтись нельзя, они и поднимутъ курсъ на 18 коп. На каждомъ рублѣ мы этакъ копѣекъ десять переплачивали, а то и двѣнадцать.

— Бывалъ я на монетномъ дворѣ у нихъ,—разсказываетъ третій пассажиръ:—курьезно! обнесенъ цѣпями, и кто туда попалъ въ рабочіе, тотъ ужъ до самой смерти за эту цѣпь не можетъ выйти. По тридцати лѣтъ иные безвыходно сидятъ.

— Это ужъ по восточному,—восклицаетъ кто-то изъ пассажировъ.

—Ну, у нихъ еще много по восточному!.. Вѣдь бухарецъ богатый денегъ ни за что̀ въ Бухарѣ держать не станетъ, — все равно какъ

*) Арча—горный можжевельникъ.

въ Персіи; а все у насъ въ банкахъ держатъ. Изъ-за этого у насъ и сторонниковъ такъ много въ ханствахъ: хоть и гяуры мы, хоть и нивѣсть какой у насъ «правовой порядокъ», а все-таки за нами жить спокойнѣе...

Отъ Бухары до ближайшаго русскаго уѣзднаго города Каттыкургана, а затѣмъ и до самого Самарканда, дорога идетъ по окраинѣ прославившейся своимъ плодородіемъ Зеравшанской долины. Нашъ поѣздъ то врѣзывается въ оазисъ, то идетъ по его окраинѣ, то выходитъ на голую, неорошаемую степь, и только издали виднѣются сплошною темнозеленою полосою высокіе пирамидальные тополя, кудрявыя ивы и карагачи разведенныхъ вокругъ усадебъ и по арыкамъ насажденій. Воды, очевидно, много больше, чѣмъ въ асхабадскомъ районѣ. Кишлаки, поэтому, сидятъ вплотную одинъ къ другому, усадьбы съ ихъ глинобитными стѣнами и куполообразными крышами располагаются гораздо гуще, а культурныя земли, разбитыя для орошенія на мелкіе правильные квадратики, тянутся сплошною широкою полосою. И вся эта жизнь, и въ бухарскихъ, и въ нашихъ предѣлахъ, питается водой большого арыка, выведенаго изъ Зеравшана неподалеку отъ Самарканда.

— И войскъ намъ не надо, чтобы Бухару держать въ покорности,—говоритъ кто-то изъ пассажировъ: запри мы воду—и Бухара хоть пропадай съ голоду...

На поляхъ Зеравшанскаго района уже почти не видно ни кучъ обмолоченнаго самана, ни пшеничныхъ жнивьевъ, которыхъ такъ много въ Асхабадскомъ оазисѣ. Чаще всего, въ перемежку съ рослою джугарой, мѣстами вдвое превышающей человѣческій ростъ, съ темною зеленью и фіолетовыми цвѣточками люцерны и съ полузатопленными полями риса, попадаются поля, не слишкомъ густо засаженныя низенькими, раскидистыми кустиками хлопка, съ его желтовато-бѣлыми или розоватыми цвѣточками. Зеравшанская долина — теперь одинъ изъ главныхъ хлопковыхъ и рисовыхъ районовъ края; подъ интенсивныя культуры занята почти вся площадь поливныхъ земель, а пшеница оттѣснена на неорошаемыя предгорья, гдѣ производятся, на рискъ случайно выпадающаго дождя, такъ называемые богарные посѣвы.

Присматриваясь къ аккуратно разбитымъ сартовскимъ полямъ, густо обсаженнымъ разными южными деревьями, и къ копошащимся, какъ муравьи, сартамъ, я переношусь мыслью въ другія, отдаленныя страны. Общая картина Зеравшанской долины удивительно напоминаетъ мнѣ сѣверную Италію, гдѣ, точно также, мелкія полоски полей чередуются съ полосками и куртинками насаженнаго лѣса. А сарты и сартовская культура вызываютъ во мнѣ воспоминаніе о культурѣ китайцевъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ. Какъ уссурійскіе китайцы, такъ и здѣшніе сарты работаютъ самыми примитивными орудіями: мѣстный плугъ, по туземному омачъ, — какая-то деревянная рогулька

съ небольшимъ желѣзнымъ наконечникомъ, вызывающая снисходительное презрѣніе нашихъ агрономовъ, и кетмень — универсальное орудіе, состоящее изъ почти круглаго желѣзнаго диска, перпендикулярно насаженнаго, однимъ краемъ, на длинную деревянную ручку,—вотъ и почти весь инвентарь сартовскаго хозяйства. А между тѣмъ, благодаря неусыпному труду—сартъ, какъ и китаецъ труда своего не жалѣетъ и не считаетъ, — благодаря тысячелѣтнему приспособленію къ требованіямъ климата и почвы, сартъ, какъ и уссурійскій китаецъ, поставилъ свое хозяйство на такую высоту, что мы пока только учимся у него, только перенимаемъ понемногу и его технику орошенія, и его пріемы обработки орошаемой земли. И все это—при полномъ отсутствіи самыхъ азбучныхъ теоретическихъ представленій и при болѣе нежели элементарныхъ техническихъ пріемахъ. Взять хоть такую вещь, какъ ирригація—дѣло, требующее, по нашимъ понятіямъ, серьезныхъ спеціальныхъ знаній и сложныхъ техническихъ пріемовъ. А вотъ вамъ, читатель, техническіе пріемы сарта: чтобы опредѣлить уклонъ проводимой канавы (для этого мы съ вами дѣлаемъ инструментальную нивеллировку!), сартъ... просто копаетъ канаву и смотритъ, какъ по ней бѣжитъ вода, или же поступаетъ такъ: ложится на землю и смотритъ, видны ли ему при этомъ собственные носки; видны—значитъ уклона нѣтъ, и чтобы найти уклонъ, онъ поворачивается вокругъ своей собственной головы, пока носки не уйдутъ ниже его поля зрѣнія. А вотъ образецъ его теоретическихъ представленій. Арыки сартовъ чрезвычайно извилисты; почему? А потому, что вода не любитъ идти въ арыкъ,—она знаетъ, что ее заставятъ работать на человѣка; чтобы вода пошла, надо обмануть ее, а для этого сдѣлать арыкъ извилистымъ, какъ русло рѣки. Правда, ученые инженеры не безъ основанія указываютъ на множество дефектовъ туземной оросительной системы: частые прорывы водопріемныхъ сооруженій, вызывающіе огромныя затраты труда на ихъ возстановленіе, и, что̀ еще хуже, оставляющіе поля на мѣсяцы безъ орошенія; неправильность уклоновъ, обусловливающая при чрезмѣрности уклона—зарываніе арыка и невозможность вывести воду на поля, при недостаточности его—занесеніе иломъ и заболачиваніе полей; отсутствіе спусковъ для отработанной воды, являющееся, особенно при рисовыхъ посѣвахъ, одною изъ главныхъ причинъ развитія въ краѣ маляріи. Но... все-таки туземцы оросили милліоны десятинъ и превратили ихъ изъ голой пустыни въ цвѣтущіе сады; все-таки ихъ главные арыки стоятъ со времени Тамерлана, а то и гораздо дольше. А мы все еще разрабатываемъ проекты многомилліонныхъ сооруженій...

Между тѣмъ, мы минуемъ все новыя хлопковыя плантаціи и рисовыя поля, все новые кишлаки, все съ тѣми-же глинобитными оградами и кубической формы саклями. Вотъ поѣздъ проходитъ самою серединой кишлака — рядъ лавокъ съ дынями и чай-ханэ, харчевенъ

или чайныхъ. Подъ легкими навѣсами, на покрытыхъ цыновками деревянныхъ нарахъ или земляныхъ платформахъ сидятъ, поджавши ноги, сарты въ чалмахъ и попиваютъ чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ или деревянныхъ чашекъ: а ишаки ихъ — туркестанскаго осла даже русскіе не зовутъ осломъ,—съ ихъ добродушными мордами и длинными ушами, и тощія лошади, запряженныя въ тяжеловѣсныя, съ огромными колесами, арбы, подъѣдаютъ свѣжесрѣзанную люцерну.

— Много ли сарту нужно!—говоритъ мнѣ попутчикъ, мѣстный обыватель:—лепешка, дыня, а главное побольше чаю. Чайникъ—три копѣйки; выпьетъ свой — къ другимъ подсядетъ, сказки разсказываетъ и чай пьетъ. Пока у него есть рубль—ужъ онъ къ вамъ не пойдетъ работать, и не зовите! Да и надоѣдливы! Наймется къ вамъ за полтинникъ въ день, заплатили ему—давай «силяу»; надо дать пятачокъ; потомъ—нѣтъ ли «сакаръ», нѣтъ ли «клѣбъ»—не отдѣлаешься!.. Ну, надо сказать, все-таки порядочный народъ! Не любятъ, вѣдь, они насъ, въ краѣ насъ горсточка, а ѣдешь себѣ куда угодно одинъ, оставь у нихъ что̀ хочешь—ничего не пропадетъ. Ну, тоже и ихъ «цивилизація» трогаетъ! Я вотъ двадцать пять лѣтъ въ краѣ; прежде бывало туземной женщины ни за какія деньги не достанешь, а теперь въ одномъ Самаркандѣ чуть не сто сартовскихъ «домовъ»!.. Сплошь и рядомъ въ одномъ «домѣ» мать съ дочерью живетъ. За четвертной билетъ каждый сартъ родную дочь продастъ...

Поѣздъ проносится мимо небольшого прудика — «кауса», съ мутною, свѣтло-сѣрою, арычною водою; у кауса сидитъ сартъ на корточкахъ и пьетъ изъ пригоршни мутную воду.

— Вотъ она, малярія-то!—восклицаетъ попутчикъ.—И какъ они, подлецы, всѣ не передохнутъ!.. Вѣдь у нихъ какое повѣрье: если вода три сажени протекла—значитъ чистая; въ арыкѣ грязное бѣлье стираютъ, или промываютъ бараньи кишки, а тутъ же, десять шаговъ ниже по арыку, сырую воду пьютъ!..

Вотъ, около самой станціи, маленькій караванъ-сарай. Передъ чайханою, на цыновкахъ, сидятъ на корточкахъ фигуры въ бѣлыхъ чалмахъ и необыкновенно яркихъ и пестрыхъ, видимо, шелковыхъ халатахъ. Возлѣ стоятъ вѣсы и валяется въ безпорядкѣ нѣсколько кипъ сырого хлопка.

Я вопросительно смотрю на моего попутчика.

— Скупщики, хлопокъ-сырецъ скупаютъ. Сарту гдѣ же везти въ городъ! Ну, эти вотъ господа авансовъ отъ фирмъ возьмутъ — кто три, кто пять тысячъ, ѣздятъ по кишлакамъ и покупаютъ. Наживаютъ ловко: платятъ по рублю восьми гривенъ, а сдаютъ по два съ полтиной,—за какой-нибудь мѣсяцъ семь гривенъ на пудъ и нажилъ. Да это бы еще ничего. А худо вотъ что: деньги-то они все больше впередъ даютъ подъ хлопокъ, — ну, тутъ ужъ сорокъ да шестьдесятъ

процентовъ берутъ, кромѣ скидки на цѣнѣ. Запутаютъ бѣднаго сарта, а потомъ и землю у него отберутъ за безцѣнокъ...

— А много,—спрашиваю,—у нихъ земель уходитъ такимъ образомъ?

— Порядочно!

— А кто покупаетъ?

— Да коммерсанты все больше—русскіе, армяне, изъ сартовъ тоже есть. И за безцѣнокъ-же скупаютъ! Вотъ у насъ подъ Самаркандомъ: сарту не на что засадить землю,—онъ и продаетъ по 30—40, а то и по двадцать рублей за танапъ *), съ правомъ на поливную воду. А танапъ въ хорошій годъ дастъ восемьдесятъ батмановъ **) винограду; считайте батманъ по два съ полтиной — вотъ вамъ и 200 рублей валового дохода. Да теперь еще что̀! Вотъ погодите — пройдетъ дорога на Оренбургъ—тогда отсюда все въ ходъ пойдетъ, однихъ фруктовъ что́ повалитъ! Тогда и земля еще не такъ изъ рукъ туземцевъ поплыветъ! Они, вѣдь, на этотъ счетъ просты...

Вотъ, наконецъ, и Ташкентскій оазисъ. На первый взглядъ все то же, что́ и въ Зеравшанскомъ. Но присматриваясь внимательнѣе, замѣчаете и нѣкоторыя особенности: гораздо больше древесныхъ насажденій, то въ видѣ ивовыхъ или тополевыхъ аллей, вдоль арыковъ и дорогъ, то въ видѣ небольшихъ, невѣроятно густыхъ рощицъ на усадьбахъ. На поляхъ особенно много хлопка и риса. Множество полей, занятыхъ подъ огородную культуру, причемъ растенія, чтобы лучше использовать поливную воду, посажены у самыхъ краевъ и по откосамъ грядъ. Много полевыхъ квадратиковъ, сплошь заросшихъ густымъ, въ два человѣческихъ роста, камышомъ; попадаются и совершенно заболоченныя площади. Незначительныя у самой линіи желѣзной дороги, такія болота, образовавшіяся насчетъ излишковъ оросительной воды, въ низовьяхъ Чирчика и Ангрена занимаютъ сотни тысячъ десятинъ, являясь главнымъ очагомъ маляріи для Ташкента и его окрестностей. Словомъ, вездѣ ясные признаки избытка оросительной воды; въ изобиліи заходя изъ Чирчика въ магистральные канала, вода не используется сполна существующею культурой, а застаивается на низкихъ мѣстахъ, образуетъ болота, и такимъ образомъ, будучи источникомъ жизни въ краѣ, дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ смерти; и малярія обезлюдила уже не мало кишлаковъ, а въ одной сартовской волости за одинъ только годъ унесла 36% населенія!

Нѣсколько измѣняется подъ Ташкентомъ и типъ населенія: преобладаютъ, правда, еще и здѣсь сарты, почему-то, однако, не въ чалмахъ, а въ однихъ только красиво расшитыхъ тюбетейкахъ. Но чѣмъ ближе къ Ташкенту, тѣмъ больше виднѣется своеобразныхъ сѣрыхъ

---

*) Туземная мѣра, немного болѣе 1/3 десятины.

**) Батманъ—около 9—10 пудовъ.

войлочныхъ треуховъ, какъ носили во Франціи въ эпоху Людовика XI... Это—киргизы, которые на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Ташкента составляютъ главную массу населенія. Въ окрестностяхъ Ташкента они уже совершенно осѣдлы и ведутъ поливное хозяйство, почти не отличающееся отъ хозяйства сартовъ и другихъ осѣдлыхъ туземцевъ края.

V.

Новый и старый Ташкентъ.

Случалось ли кому-нибудь изъ васъ, читатель, бывать въ городахъ нашего европейскаго и азіатскаго востока, въ родѣ Уральска, Омска, Красноярска, Благовѣщенска? Если бывали, то вы, конечно, представляете себѣ, какую безотрадную картину должны являть собою заброшенные среди выжженныхъ солнцемъ средне-азіатскихъ пустынь русскіе города Туркестана!.. Но представленіе ваше, читатель, окажется, если вы попадете въ Среднюю Азію, не имѣющимъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Та-же вода, которая разноситъ жизнь по всему краю, которая превратила въ густонаселенные, цвѣтущіе оазисы голыя когда-то пустыни,—эта же вода, взятая изъ сооруженнаго туземцами арыка, до неузнаваемости измѣнила физіономію русскаго города. Попавъ въ Ташкентъ, вы съ изумленіемъ видите себя среди сплошного, чисто итальянскаго сада, въ густой зелени котораго тонутъ одноэтажные, по большей части аккуратно и не безъ вкуса выстроенные, свѣтло-окрашенные каменные домики. Вечеромъ даже старожилъ не безъ труда оріентируется въ городѣ: при слабомъ, еще поглощаемомъ густою листвою, свѣтѣ керосиновыхъ фонарей, едва мерцающихъ среди темной южной ночи, всѣ улицы похожи одна на другую; это все—широкія, прямыя, по большей части шоссированныя (впрочемъ, плохо шоссированныя!) аллеи, и по обѣимъ сторонамъ каждой аллеи, питаясь водою изъ пробѣгающихъ тутъ-же небольшихъ арычковъ, высятся въ два ряда густо посаженныя деревья. И что́ за деревья!.. Гигантскіе пирамидальные тополя, айланты съ ихъ громадными перовидными листьями и кистями желтовато-бѣлыхъ или красныхъ сѣмянныхъ крылатокъ, абрикосъ, шелковица, развѣсистый чинаръ или платанъ, кое-гдѣ туйя, адамово дерево съ остроконечными большими листьями и длинными, узкими стручками, и удивительные карагачи, съ ихъ густою яйцевидною кроной, не оставляющей никакого просвѣта для палящихъ солнечныхъ лучей... И благодаря постоянному поливу, при горячемъ средне-азіатскомъ солнцѣ и благодатной лёссовой почвѣ, деревья достигаютъ прямо-таки необыкновеннаго роста: тополь въ пять-шесть лѣтъ выростаетъ уже на полную высоту; деревья 25—

30-лѣтняго возраста имѣютъ десять, двѣнадцать, шестнадцать вершковъ въ поперечникѣ. При каждомъ домѣ—садъ, съ тою же чудною растительностью; нѣсколько прекрасныхъ общественныхъ садовъ,—словомъ, читатель, нигдѣ въ Россіи вы не найдете въ большомъ городѣ такого изобилія зелени и такой массы тѣнистой — слишкомъ тѣнистой!— прохлады.

Но тѣ же самыя небольшія канавки, расположенныя по обѣ стороны каждой улицы и забѣгающія во всѣ дворы,—канавки, всюду разносящія жизнь со своею весело журчащею, слегка мутною водою,—эти канавки, вмѣстѣ съ жизнью, всюду разносятъ и малярію. Малярія—это властительница думъ русскихъ жителей Ташкента, и куда вы ни зайдете, начиная отъ просторныхъ, тонущихъ въ дивномъ саду, генералъ-губернаторскихъ палатъ и кончая скромною квартирой мелкаго чиновника или торговца,—вездѣ вы непремѣнно услышите разговоры о маляріи и почти вездѣ увидите больныхъ этою скверною болѣзнью. И малярія, дѣйствительно, носится здѣсь въ воздухѣ: благодаря массѣ воды и тѣни, жара во время дня не такая жгучая, какъ на открытой неорошенной степи, но зато тяжелая и душная, а вечеромъ, среди самаго жаркаго лѣта, чувствуется пронизывающая сырость.

Ташкентъ — по преимуществу городъ военныхъ и чиновниковъ, административный центръ обширной окраины, до сихъ поръ еще состоящей на военномъ положеніи. На каждой улицѣ—вывѣски разныхъ штабовъ, управленій и канцелярій: на каждомъ шагу кокарды офицеровъ и чиновниковъ и красныя шаровары солдатъ. Магазиновъ и лавокъ въ русскомъ городѣ очень мало, и всѣ они обслуживаютъ того-же офицера или чиновника. Только въ самые послѣдніе годы среднеазіатская дорога соединила Ташкентъ съ Россіею, впрочемъ, очень длиннымъ и кружнымъ путемъ; строится Оренбургско-Ташкентская желѣзная дорога, обѣщающая открыть край настежь для нашествія капитала, и уже теперь ташкентскій районъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ туркестанскаго хлопководства. Всѣ эти новыя явленія обѣщаютъ сдѣлать русскій Ташкентъ важнымъ промышленнымъ или, по крайней мѣрѣ, торговымъ пунктомъ. Но это въ будущемъ, а пока постройка желѣзныхъ дорогъ и хлопковая горячка отразились только крайнею дороговизною жизни...

— Жить просто нельзя стало въ Ташкентѣ,—жалуется мѣстный служащій обыватель:—на квартиры цѣны—выше петербургскихъ; пять комнатъ, положимъ большихъ, но никакихъ удобствъ—пожалуйте 900, а то и 1.200 рублей; прежде, бывало, за три тысячи можно было домъ построить, мѣста отдавали по двадцати копеекъ за сажень, а теперь не угодно ли заплатить за сажень 25, 30 рублей, а на бойкихъ мѣстахъ и того больше. За лучшія дрова бывало платили рубля по три; а теперь за таловыя отдайте по семи, и горятъ они какъ трутъ;

а фруктовыя дрова *) по десяти да по двѣнадцати рублей сажень! Джугару покупали по семи гривенъ за пятипудовый мѣшокъ—теперь восемь гривенъ пудъ; давно ли каждый подпоручикъ держалъ по двѣ, по три лошади—прокормить лошадь стоило три рубля; а теперь тридцать рублей! Малайка **) простой—вотъ который дворъ подметаетъ—прежде жилъ изъ-за хлѣба, ну, много дашь ему три рубля, а теперь меньше двѣнадцати рублей не сыщете!..

Но жалуются, кажется, только служащіе, люди двадцатаго числа, которыхъ повышенные, при былой дешевизнѣ огромные оклады оказываются очень скудными при теперешнихъ цѣнахъ. Неслужащій народъ не жалуется: какъ и на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, гдѣ-нибудь въ Благовѣщенскѣ или Владивостокѣ, здѣсь дороги всякіе продукты, но еще дороже—люди.

Но и люди двадцатаго числа, несмотря на лихорадки, несмотря на дороговизну, тоже часто привязываются къ Туркестану. Нечего уже и говорить о такъ называемыхъ «старыхъ туркестанцахъ» (ни въ какомъ случаѣ не смѣшивать съ щедринскими ташкентцами!)—во многомъ симпатичный типъ, если не вымирающій, то, во всякомъ случаѣ, уже теряющійся среди массы наѣзжаго люда,—для которыхъ Туркестанъ вторая родина; даже люди, пріѣхавшіе сравнительно недавно, сплошь и рядомъ укореняются въ краѣ и не мечтаютъ о возвращеніи «въ Россію». Что́ ихъ привязываетъ къ краю, они часто сами не могутъ сказать. Но не послѣднюю роль здѣсь играетъ горячее южное солнце, длинное лѣто и яркая природа, послѣ которыхъ какъ-то странно возвращаться куда-нибудь въ Москву, съ ея полугодичною зимой, или въ Петербургъ, съ его слякотью и туманами.

Какъ я уже сказалъ, русскій Ташкентъ имѣетъ видъ довольно благоустроеннаго европейскаго города, хотя въ немъ почему-то нѣтъ не только электрическаго освѣщенія, но даже такой вещи, какъ телефонъ, вездѣ привившійся даже въ Сибири. Прекрасные тротуары изъ сырцоваго кирпича, тщательная и даже чрезмѣрная—съ точки зрѣнія маляріи!—поливка улицъ, библіотеки, музеи, хорошіе на видъ магазины (торгующіе, впрочемъ, почти исключительно второсортнымъ товаромъ), причемъ внѣшнее благоустройство русскаго Ташкента покоится, главнымъ образомъ, на нераздѣльности его приходнаго бюджета съ бюджетомъ туземнаго города. Но на каждомъ шагу вы видите, что этотъ почти европейскій городъ заброшенъ въ самое сердце Средней Азіи. Вотъ, наперерѣзъ Константиновскаго сквера, гдѣ на мѣстѣ бывшей

---

*) За отсутствіемъ естественнаго лѣса на топливо идутъ старыя деревья изъ фруктовыхъ садовъ.

**) Собирательное имя или кличка для прислуги и работниковъ изъ туземцевъ.

могилы «устроителя края», Константина Петровича фонъ-Кауфмана, устроенъ оригинальный памятникъ, тянется караванъ верблюдовъ, несущихъ низкосортную московскую мануфактуру,—«пунцъ», куда-нибудь въ глубь киргизскихъ кочевьевъ, а навстрѣчу этому каравану, среди густого клуба пыли, нѣсколько киргизъ, въ сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, гонятъ отару вымѣненныхъ, вѣроятно, на такой-же «пунцъ» барановъ, съ отвисшими жирными курдюками. По всѣмъ улицамъ, въ перемѣшку съ цивилизованными пролетками (извозчики, впрочемъ, почти исключительно сарты или киргизы), медленно двигаются скрипучія арбы, съ ихъ огромными, чуть не въ два человѣческихъ роста, широко разставленными колесами, такъ хорошо приспособленными для передвиженія безъ дорогъ, черезъ крупныя рытвины и небольшіе арыки; а на арбахъ то снопы люцерны, въ круглыхъ плетеныхъ кузовахъ, то мусоръ съ какой-нибудь постройки, то горой наваленныя дыни, то группа женщинъ-сартянокъ, съ наброшенными на голову, обязательно сѣрыми, халатами и со спущенными на лицо частыми волосяными сѣтками. Около присутственныхъ мѣстъ, на привязи, всегда масса верховыхъ лошадей, а по улицамъ то и дѣло снуютъ или стоятъ, небольшими группами, верховые киргизы, или, чуть не волоча ногами по землѣ, проѣзжаетъ сартъ верхомъ на маленькомъ, длинноухомъ ишакѣ, который, кромѣ своего хозяина, несетъ еще батманъ пшеницы или хорошій вьюкъ люцерноваго сѣна.

Какъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ обязанности щедринскаго «мужика» всецѣло предоставлены китайцу, манзѣ, такъ въ Ташкентѣ эти обязанности, во всей ихъ безконечной многосложности, лежатъ на смугломъ, чернобородомъ, по большей части довольно благообразномъ сартѣ. Онъ, въ чистомъ чичунчевомъ халатѣ и въ расшитой тюбетейкѣ, встрѣчаетъ васъ на порогѣ самыхъ важныхъ домовъ русскаго Ташкента и замѣняетъ кухарку даже въ среднесостоятельныхъ русскихъ семьяхъ, которыя не нахвалятся его честностью и трудолюбіемъ. Онъ является въ гостинницу, къ пріѣзжему «тюрэ», какъ коммиссіонеръ и факторъ, предлагая найти ковры, лошадей, квартиры, а то и такой товаръ, о которомъ говорятъ шопотомъ и полунамеками; онъ же, въ рубахѣ и широкихъ шароварахъ, ходитъ по улицамъ съ корзиною фруктовъ, заглядывая во всѣ окна и оглашая воздухъ причудливо варіированными выкриками: «крупно́й винагря́дъ», «французской пырси́къ», «настоящій душэсъ», и въ тотъ самый моментъ, когда я пишу эти строки, я слышу въ окно: «товаръ не надо ли? шелковый платокъ? вышитой туфли»? Сартъ, стоя по колѣни въ арыкѣ, быстрыми и ровными взмахами ведра поливаетъ улицу, подметаетъ колею трамвая, бьетъ щебень для шоссе. Онъ же, одѣтый въ лохмотья или полуголый, строитъ всѣ эти европейскаго вида дома, окруживъ постройку, вмѣсто забора, камышевыми плетенками—«чіями», и, проѣз-

жая по улицамъ русскаго Ташкента, вы вездѣ видите сарта, то штукатурящаго по-европейски домъ, то размѣшивающаго кетменемъ лёссовую замазку для облицовки сложенной изъ комьевъ того же лёсса изгороди сада, то ловко перебрасывающаго лёссовые кирпичи на крышу, гдѣ другой такой же сартъ перекладываетъ дымовую трубу. И русскій обыватель Ташкента привыкъ и приспособился къ «мужику» въ тюбетейкѣ и, какъ на Дальнемъ Востокѣ, выработалъ для разговора съ нимъ особый жаргонъ, уснащаемый безконечными «мало» и отличающійся отсутствіемъ склоненій и упрощенными формами спряженій.

Открытый вагонъ трамвая биткомъ набитъ публикой. Двѣ-три русскихъ физіономіи, остальное—сарты въ тюбетейкахъ, изрѣдка въ чалмахъ, нѣсколько сартянокъ, закрытыхъ частыми волосяными сѣтками, нѣсколько дѣтишекъ, съ черными, какъ изюминки, глазами. Хотя вагонъ открытый, но въ носъ такъ и бьетъ острый запахъ перепрѣлаго пота, неотступно сопровождающій не успѣвшаго понатереться около русскихъ сарта.

— Вотъ вѣдь когда строили трамвай,—говоритъ мнѣ мой спутникъ, ташкентскій старожилъ, любезно взявшійся немного познакомить меня со «старымъ городомъ»,—такъ говорили, что работы не будетъ: сартъ, дескать, инертенъ и какъ привыкъ ѣздить на арбѣ—у нихъ, вѣдь, раньше арбы ходили въ русскій городъ въ родѣ дилижансовъ, по двѣ копейки съ рыла,—такъ и впередъ будетъ ѣздить. А теперь посмотрите-ка: всегда биткомъ набитые вагоны...

Вотъ и «старый городъ»: извилистая, вымощенная булыгой улица, съ узенькими, высокими валиками или троттуарами по бокамъ. По этой улицѣ проходитъ конка, на ней же и разные продукты цивилизаціи въ родѣ амбулаторіи (гдѣ только что отняли ноги у попавшаго подъ конку сартенка!), русско-туземной школы, арестнаго дома; вправо и влѣво отъ нея, то въ гору, то подъ уклонъ, отвѣтвляются узкія боковыя улицы и переулки, уже не мощеные, или совсѣмъ уже узенькіе проходы, ведущіе то къ чьему-нибудь дому, то къ арыку, то къ каузу—небольшому общественному пруду. По обѣимъ сторонамъ и этой улицы, и всѣхъ другихъ безконечный рядъ невысокихъ, желто-сѣрыхъ, отъ лёссовой обмазки, по большей части двухъэтажныхъ построекъ: нижній этажъ—либо конюшни, съ узенькими, во всю длину, окнами или щелями, либо запертые на замокъ амбары, либо лавки, гдѣ торгуютъ дынями и жевательнымъ табакомъ, цирюльни, чайханы, въ которыхъ на виду у всѣхъ брѣются, распиваютъ чай или просто, въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, предаются сладкому отдохновенію. Въ одномъ мѣстѣ — рядъ мастерскихъ кузнечнаго цеха; кузнецы работаютъ, также на виду у всѣхъ, сидя на краю ямъ, въ которыхъ

поставлены ихъ наковальни. Во второмъ этажѣ—иногда жилыя помѣщенія—комнаты, террасы съ небольшими колонками, но чаще — тоже какіе-нибудь амбары или склады; жилище свое сартъ, какъ истый сынъ востока, старается запрятать подальше отъ любопытныхъ глазъ. Въ перемежку съ жилыми домами и лавками—нѣсколько мечетей или медрессе, всѣ того же желто-сѣраго цвѣта, изъ характернаго мѣстнаго плоскаго кирпича, проложеннаго толстыми пластами лёссовой замазки, съ плоскими, тоже желто-сѣрыми, куполами и почему-то съ очень низкими минаретами, которые заканчиваются полукруглымъ куполкомъ; на нѣкоторыхъ—полосы чудесныхъ эмальированныхъ изразцовъ, съ темно-синими и блѣдно-зелеными узорами. Зелени на улицѣ совершенно не видно; но по-надъ невысокими домами и «дувальными» стѣнами видна масса зелени: какъ и все, что̀ онъ имѣетъ, сынъ востока и свою зелень прячетъ въ глубинѣ своихъ усадебъ, подальше отъ постороннихъ глазъ.

— Вотъ это ужъ Азія,—восклицаю я, подъ впечатлѣніемъ всей этой своеобразной картины, на фонѣ которой кишмя кишитъ пестрая, шумная, полжизни проводящая на улицѣ толпа,—настоящая Азія!

— Да, но Азія сильно подчищенная,—замѣчаетъ мой спутникъ:—вотъ посмотрите—мостовая: немудрая, положимъ, а все-таки мостовая, да еще политая. А вѣдь нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы съ вами задыхались бы отъ лёссовой пыли, а осенью тонули бы въ грязи; впрочемъ, на боковыхъ улицахъ и теперь задыхаются и тонутъ. Ну, все-таки кое-какое освѣщеніе есть, что-то въ родѣ ассенизаціоннаго обоза завели: теперь здѣсь воздухъ какъ воздухъ, а вѣдь еще нѣсколько лѣтъ назадъ—хоть носъ заткни.

Однако, вагонъ добѣжалъ до конечнаго пункта. Нѣсколько сотъ шаговъ пѣшкомъ — и мы на базарѣ, въ этомъ сердцѣ азіатскаго города. Безконечный лабиринтъ широкихъ улицъ и узкихъ переулковъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся досчатые балаганы-лавки. Всѣ улицы и переулки перекрыты навѣсомъ изъ нетолстыхъ жердей, поверхъ которыхъ кое-гдѣ набросана солома. Еще недавно надъ всѣми улицами и переулками базара были устроены плоскія земляныя крыши, но послѣ андижанскаго землетрясенія начальство велѣло снять ихъ и замѣнить нынѣшними легкими навѣсами. Но и подъ этими навѣсами—достаточно прохладно, и на постоянно поливаемыхъ, изъ бурдюковъ, улицахъ стоитъ мѣстами порядочная грязь.

Недалеко отъ входа въ базарный лабиринтъ мой спутникъ останавливается около одной сравнительно большой лавки, мало отличающейся, впрочемъ, на видъ отъ другихъ окружающихъ лавокъ: всякая мелкая, низкопробная бакалея, и только стоящіе горою около лавки цибики чая позволяютъ предположить, что это—не простая мелочная лавочка. Передъ лавкой стоитъ невысокаго роста, худощавый, пожи-

лой сартъ, одѣтый немногимъ лучше и не чище, нежели всѣ вокругъ, съ умнымъ и серьезнымъ лицомъ. Мой спутникъ подходитъ къ нему и здоровается за руку.

— Это,—говоритъ онъ, обращаясь къ сарту и указывая на меня,—мой знакомый, господинъ такой-то, пріѣхалъ изъ Петербурга. А это Юсупъ-аксакалъ, бывшій базарный староста, хорошій человѣкъ. Не пройдете ли вы съ нами, Юсупъ?.. Мы, можетъ быть, ковры покупать будемъ, такъ вы намъ поможете, да и такъ на базарѣ я одинъ, пожалуй, запутаюсь.

Юсупъ съ видимымъ удовольствіемъ соглашается быть нашимъ чичероне, и мы пускаемся въ дальнѣйшій путь уже втроемъ. Юсупъ, видимо, пользуется на базарѣ большимъ почтеніемъ: вездѣ, гдѣ мы проходимъ, ему дѣлаютъ кулдукъ—слегка наклоняются, прижимая обѣ руки къ груди; болѣе цивилизованные — впрочемъ, очень немногіе — дѣлаютъ подъ козырекъ или даже приподнимаютъ тюбетейку. Кто куритъ свой чилимъ *), съ поклономъ протягиваетъ его къ Юсупу, который дѣлаетъ глубокую затяжку.

На базарѣ самая строгая спеціализація. Каждый видъ торговли, каждый промыселъ имѣетъ свою улицу или свой переулокъ. Вотъ длинный и широкій мануфактурный рядъ, съ сравнительно большими лавками, гдѣ торгуютъ частью сарты, но больше, кажется бухарскіе евреи, рѣзко отличающіеся отъ сартовъ красивыми, правильными чертами лица, черными шапочками вмѣсто сартовскихъ расшитыхъ тюбетеекъ и непробритыми, хотя коротко подстриженными, прядками волосъ на вискахъ, выглядывающими изъ подъ шапки; это—туземные евреи, пользующіеся въ Туркестанѣ всѣми правами мѣстныхъ обывателей, если только они или отцы ихъ проживали въ краѣ во время его присоединенія. Въ мануфактурныхъ лавкахъ—мѣстныя бумажныя матеріи, и тутъ же «пунцъ» россійскихъ фабрикантовъ. Среди массы розничныхъ лавокъ обычнаго восточнаго типа—нѣсколько фабричныхъ лавокъ,—Карла Шейблера, Морозовыхъ и другихъ, изъ Лодзи и подмосковнаго района. Вотъ шелковый рядъ—шелковыя и полушелковыя матеріи, платки, косынки и т. п. Покупатели почти вездѣ мужчины, и только въ двухъ или трехъ мѣстахъ на порогѣ лавокъ сидятъ женщины-сартянки, совершенно закрытыя своими сѣрыми халатами и волосяными фатами, и ведутъ какіе-то переговоры съ продавцомъ.

— Такъ вотъ у нихъ и романы происходятъ,—говоритъ мой спутникъ;—вотъ сидитъ она подъ своимъ халатомъ—кто ее знаетъ, покупаетъ ли она что́, или совсѣмъ о другомъ рѣчь. Вѣдь у нихъ все это очень просто дѣлается: выйдетъ сартянка на улицу, за водой или за чѣмъ другимъ; ѣдетъ сартъ верхомъ на лошади или на ишакѣ,—

---

*) Мѣстное названіе кальяна.

зашли вмѣстѣ въ переулокъ, перекинулись двумя-тремя словами, и готово: сѣла на крупъ лошади—и поминай какъ звали; какъ ее найдешь! мужъ встрѣтитъ—не узнаетъ подъ фатою. Ну, положимъ, и ножомъ въ бокъ такіе романы тоже кончаются...

Еще и еще торговые ряды: вотъ спеціально сундучный рядъ; вотъ рядъ лавокъ съ кошмами, деревянными остовами для киргизскихъ юртъ, грубыми коврами и другими аттрибутами кочевого киргизскаго обихода; здѣсь длинный рядъ небольшихъ лавочекъ, гдѣ торгуютъ дынями и арбузами; тамъ лавчонки съ сартовскимъ мыломъ, угольный рядъ, бакалейная улица, гдѣ располагаются въ перемежку, почти не отличаясь по виду, маленькія торговлишки съ нѣсколькими десятками рублей оборотнаго капитала и большія оптово-розничныя дѣла, съ оборотомъ въ сотни тысячъ.

Рядъ другихъ улицъ—ремесленники разныхъ спеціальностей, которые тутъ и работаютъ, и продаютъ свои издѣлія. Громкій стукъ молотковъ по металлу привлекаетъ насъ въ мѣдный рядъ: нѣсколько десятковъ лавокъ, гдѣ куютъ мѣдныя издѣлія, дѣлаютъ на нихъ высѣчки, лудятъ; на выставкѣ готовыя издѣлія—по большей части дешевые кумганы или мѣдныя ведра, но на вопросъ Юсупа выносятъ и показываютъ намъ и дорогія вещи, съ чудною, мелкою, художественною высѣчкой. Вотъ токарный рядъ, гдѣ на глазахъ у всѣхъ точатся и отдѣлываются ручки для бритвъ, дѣтскія люльки и всякія другія деревянныя издѣлія; первобытнаго устройства станокъ приводится въ движеніе ремнемъ, который перекинутъ черезъ ось и за который тянетъ, то въ одну, то въ другую сторону, полуголый сартъ, помощникъ токаря. По сосѣдству изготовляются деревянные частые гребни, которые выпиливаются ручною пилою на небольшомъ, но остроумно приспособленномъ станочкѣ. Вотъ продавцы тюбетеекъ. Заказчикъ выбираетъ у нихъ матерію и указываетъ рисунокъ для шитья по одному изъ готовыхъ, разложенныхъ на прилавкѣ штамповъ; торговецъ снимаетъ мѣрку, тутъ-же, на глазахъ у заказчика, выкраиваетъ тюбетейку, отпечатываетъ на ней штампомъ рисунокъ и передаетъ другому работнику, который дѣлаетъ вышивку и сшиваетъ тюбетейку. Поблизости отъ мануфактурнаго ряда—лавки «машиначей»—портныхъ, которые кроятъ и на машинѣ шьютъ общераспространенные у сартовъ и у киргизъ бухарскіе халаты.

— Вотъ вамъ и капиталистическій промыселъ,—говоритъ мнѣ мой спутникъ:—эти машиначи всѣ на торговцевъ работаютъ, получаютъ отъ нихъ весь матеріалъ, прикладъ и шьютъ поштучно.

— А зарабатываютъ почемъ?

— Копеекъ по тридцати кругомъ. Это здѣсь въ родѣ нормы; что́ ни работаютъ, а заработокъ вездѣ одинъ—тридцать копѣекъ въ сутки. Да это и не такъ мало: вѣдь у нихъ у всѣхъ, кромѣ промысла, и земля

есть—хоть какой-нибудь клочокъ за городомъ,—а затѣмъ, вѣдь, и какія у нихъ потребности!

Еще и еще разнообразные ремесленники. Вотъ, между прочимъ, пекаря, изготовляющіе излюбленныя сартовскія лепешки; въ пекарнѣ работаютъ трое: одинъ раскатываетъ куски тѣста, другой на уже раскатанной лепешкѣ накалываетъ зубчатымъ колесикомъ традиціонные узоры, третій, полуголый, съ головою, повязанною платкомъ, влѣзаетъ въ жарко истопленную печь и прилѣпляетъ готовую лепешку къ ея своду, гдѣ она и печется «до готовности». Вотъ рядъ серебренниковъ, дѣлающихъ разнообразныя по большей части очень грубыя по отдѣлкѣ, но красивыя по общему рисунку серебряныя украшенія. А вотъ среди горы битаго фарфора сидитъ старичекъ-клейщикъ, который какъ разъ въ данную минуту чинитъ разбитую чашку. Мы останавливаемся посмотрѣть, какъ онъ ловко и быстро дѣлаетъ свою очень тонкую и деликатную работу: составивъ чашку, онъ особеннымъ сверломъ продѣлываетъ въ ней небольшія дырочки, въ которыя вставляются металлическія скобки—и починенная такимъ образомъ чашка служитъ нерѣдко еще много лѣтъ. Юсупъ тѣмъ временемъ перекидывается какими-то непонятными намъ фразами со старикомъ, а старикъ, между дѣломъ, изподлобья разсматриваетъ насъ. Къ намъприсоединился еще какой-то зритель, тоже русскій, въ фуражкѣ съ кокардою и съ толстою тростью въ рукахъ—тоже, очевидно, знакомый Юсупа. Старикъ и на него посматриваетъ изподлобья, не задавая никакихъ вопросовъ и не проявляя особеннаго интереса. Случайно этотъ новый зритель, все время опиравшійся на палку, перехватываетъ ее за середину,—палка оказывается съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ въ формѣ фантастической птицы, не то орла, не то пеликана. Старикъ-клейщикъ сразу прерываетъ свою работу и закидываетъ Юсупа оживленными вопросами, все время посматривая на господина съ птицей. Я разбираю слова «уль-кунъ-тюрэ»: старикъ принялъ палку съ птицей за какой-то аттрибутъ власти, и на этомъ основаніи рѣшилъ, что владѣлецъ палки какой-нибудь «большой начальникъ»...

Базаръ—сердце стараго Ташкента; сердце базара—широкая улица, сплошь занятая чай-ханами—чайными, и ашъ-ханами—харчевнями; въ перемежку съ ними то цирюльни, гдѣ на виду у всѣхъ сарты брѣютъ голову и лицо, то лавочки, гдѣ продаются дыни и жевательный табакъ. Тутъ же на улицѣ стоятъ нѣсколько мороженниковъ—только роль мороженаго играетъ глыба снѣга, который поливается патокой и въ такомъ видѣ подается потребителямъ; тутъ же и фонографъ, съ множествомъ слуховыхъ трубокъ.

«Чайная» улица биткомъ набита народомъ: во всѣхъ чайныхъ масса сартовъ и киргизъ, кое-гдѣ между ними русскіе, мѣщане или солдаты; на порогѣ одной изъ чайныхъ сидитъ и попиваетъ чай ту-

земный полицейскій, въ длинномъ коломянковомъ халатѣ и мерлушковой папахѣ, но съ жгутами и шашкой, какъ у настоящаго городового, и мирно пьетъ чай изъ круглой чашки; завидѣвъ проходящихъ «тюрэ», изъ которыхъ одинъ въ полувоенной формѣ, онъ приподнимается и дѣлаетъ подъ козырекъ.

Въ одномъ мѣстѣ большое собраніе народа: тѣсными рядами, по обѣимъ сторонамъ улицы, сидятъ сарты и киргизы, въ чалмахъ, тюбетейкахъ и сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, а посреди улицы стоитъ длиннобородый старикъ, въ бѣлой чалмѣ, опираясь на длинный посохъ, и что-то оживленно разсказываетъ, усиленно жестикулируя и обора-чиваясь то къ одному, то къ другому ряду своихъ слушателей; порою онъ прерываетъ свое повѣствованіе какимъ-нибудь вопросомъ; ему отвѣчаютъ изъ толпы, иногда много человѣкъ заразъ, иногда только одинъ или двое, сидящихъ прямо противъ старика и, повидимому, поддерживающихъ съ нимъ особенно оживленную бесѣду. Это—«маддахъ», спеціалистъ-разсказчикъ, который ходитъ по чай-ханамъ и увеселяетъ собирающуюся здѣсь публику разсказами на всевозможныя темы; чтобы не дать остыть живому интересу публики, онъ пересыпаетъ свой разсказъ разными вопросами, а среди слушателей сидятъ его негласные сотрудники, которыхъ обязанность—отвѣчать на его вопросы и такимъ образомъ придавать представленію «маддаха» видъ оживленнаго діалога. Окончивъ какой-то длинный разсказъ, маддахъ обходитъ публику и собираетъ мелкія подаянія. Я тоже даю какую-то мелкую монету.

— Вотъ ему и тема для слѣдующаго разсказа,—говоритъ мой спутникъ:—какъ пришелъ на базаръ большой тюрэ, и какъ онъ, прослушавъ разсказъ маддаха, щедро одарилъ его.

Юсупъ утвердительно киваетъ головой.

Немного дальше, опять сплошные ряды сидящихъ по обѣимъ сторонамъ улицы пестрыхъ халатовъ,—всѣ въ чалмахъ или тюбетейкахъ, киргизскихъ треуховъ не видно. Здѣсь уже нѣтъ никакой центральной фигуры, а просто ведется какой-то оживленный общій разговоръ

— Маслякàтъ держатъ?—спрашиваетъ мой спутникъ Юсупа.

— Такъ тошно, маслякатъ,—отвѣчаетъ тотъ.

Это оказывается, сарты собрались обсуждать какія-то свои общественныя дѣла.

Еще дальше—опять небольшая кучка халатовъ, на этотъ разъ уже не сидящихъ, а стоящихъ, а посреди этой кучки, оживленно жестикулируя, громкимъ и рѣзкимъ голосомъ разсказываетъ что то точно сошедшій съ верещагинской картины дервишъ, въ остроконечной расшитой шапкѣ, обмотанной бѣлою чалмою, въ грязномъ и ободранномъ халатѣ, съ посохомъ и съ висящею черезъ плечо дорожною флягой изъ тыквы-горлянки: разсказываетъ, очевидно, о святыхъ мѣстахъ, чудодѣйственныхъ могилахъ и благочестивыхъ ишанахъ. Тутъ же среди толпы

похаживаетъ мальчуганъ съ корзиною небольшихъ, незатѣйливо связанныхъ букетовъ.

— Это для кого букеты?—спрашиваю я моего спутника.

— Какъ для кого! Сарты же страшно людятъ цвѣты, вотъ посмотрите,—указалъ онъ мнѣ на нѣсколько человѣкъ изъ толпы: изъ-подъ тюбетеекъ выглядывали, падая на лобъ, небольшія вѣточки цвѣтущей люцерны.

Заглянули въ двѣ-три чай-ханы: всѣ онѣ болѣе или менѣе одного типа; чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ чашекъ, сартовскія лепешки, дыни, горою наваленныя у входа; въ углу стоитъ обязательный чилимъ, изъ котораго, по исконному обычаю, можетъ сдѣлать затяжку каждый прохожій, хотя бы онъ и не потребовалъ никакой платной порціи, и тутъ же обязательная туземная гитара или домра, на которой играетъ каждый потребитель, которому захочется усладить свой кейфъ тихимъ и меланхолическимъ перебираніемъ струнъ; въ нѣкоторыхъ висятъ своеобразныя коническія клѣтки съ перепелами, воспитываемыми то для пѣнья, то для боя.

Однако, чистота во всѣхъ этихъ чайныхъ болѣе, нежели сомнительна, и потому мы направляемся пить чай въ извѣстную и среди жителей русскаго города, болѣе культурную чай-хану. Передняя часть ея предоставлена туземцамъ, которые попиваютъ чай, сидя на корточкахъ на достаточно грязномъ коврѣ; тутъ же въ переднемъ углу сидитъ на корточкахъ небольшой оркестръ—четыре человѣка, исполняющіе, между прочимъ, и русскія пѣсни, за переложеніе которыхъ на туземные инструменты содержатель ханы получилъ даже, какъ гласитъ висящій на стѣнѣ дипломъ, какую-то награду на мѣстной выставкѣ. Задняя часть чай-ханы, съ окнами, выходящими на большой, обсаженный деревьями арыкъ, предназначается для привилегированныхъ посѣтителей изъ русскаго города, а потому здѣсь стоитъ нѣсколько столовъ со стульями и не слишкомъ мягкими диванами. Мы располагаемся, вмѣстѣ съ Юсупомъ, за однимъ изъ нихъ; намъ подаютъ порцію чая, тѣ же сартовскія лепешки, еще какое-то печеніе и тарелку съ фруктами, персиками и виноградомъ; мой спутникъ и Юсупъ дѣлаютъ по затяжкѣ изъ чилима, и только послѣ того приступаютъ къ чаепитію.

— Хорошо—небось, сегодня торгуете?—спрашиваю владѣльца чайханы, довольно порядочно говорящаго по-русски.—Вотъ сколько народу!..

— Напротивъ,—вмѣшивается въ разговоръ мой спутникъ:—завтра пятница, большинство разъѣхалось по своимъ садамъ. Вы, пожалуй, Юсупъ,—обратился онъ къ нашему чичероне,—тоже уѣхали бы, если бы мы васъ не задержали?

— Нѣтъ, у меня дѣла есть въ городѣ,—отвѣчалъ тотъ;—ужо вечеромъ поѣду. А ужъ разъѣхалось-то, правда, много: лавки, пожалуй, на

половину заперты, да и покупателей мало. Это Николай Семенычъ — такъ звали моего спутника — вѣрно говоритъ: здѣсь чуть что не у каждаго, кто только не самый бѣдный, есть садъ за городомъ: самъ недѣлю въ городѣ сидитъ, на базарѣ торгуетъ или ремесломъ занимается; женщины съ дѣтьми, а у кого есть — малайка, въ саду работаютъ. А на пятницу каждый въ свой садъ ѣдетъ, отдыхаетъ, по очереди другъ къ дружкѣ въ гости ѣздятъ — это у насъ «габъ» называется.

На широкой базарной улицѣ слышится какое-то особенное движеніе: ѣдетъ офицеръ верхомъ, за нимъ два верховыхъ туземныхъ полицейскихъ; всѣ, кто сидѣлъ, встаютъ и дѣлаютъ кулдукъ.

— Полицмейстеръ туземнаго города,—говоритъ Юсупъ:—хорошій господинъ...

— Развѣ начальники при ханахъ не лучше были?

— Что вы, помилуйте, чуть не испуганно восклицаетъ Юсупъ: — развѣ можно говорить!.. При ханѣ—просто бѣда было: развѣ можно было такой халатъ надѣть, какъ этотъ! — и Юсупъ указалъ на свой хотя и довольно потрепанный, но все-таки чичунчевый халатъ:—какъ только узналъ бы датха̀, что у меня деньги есть, сейчасъ бы какое-нибудь дѣло завелъ, самого въ тюрьму, а деньги—часть хану, а часть себѣ... Не дай Богъ!.. Что̀ въ вахфъ отдано, только того и не трогали...

— Вѣдь вы знаете,—вмѣшался мой спутникъ,Николай Семеновичъ,— здѣсь, вѣдь, почти всѣ лавки и кругомъ караванъ-сараи — все это вахфы—къ мечетямъ приписаны, къ медрессамъ. Ну мечетямъ и медрессе, конечно, немного достается, главный доходъ идетъ мутавалію—душеприказчику, изъ потомковъ завѣщателя, который вахфомъ завѣдуетъ. Въ сущности, изъ-за этого больше и вахфы учреждались: оставить имущество просто дѣтямъ—не больно-то вѣрно было, — того и гляди на хана отберутъ; ну и завѣщали имущество въ вахфъ, а потомковъ мутаваліями назначали; самое лучшее было обезпеченіе—ханъ не отберетъ!..

Александръ Кауфманъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ СРЕДНЕ-АЗІАТСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

*(Окончаніе *).*

VII.

Въ предгорьяхъ Алатау.

Вечеръетъ. Необыкновенно тряскій тарантасъ прославленной въ краѣ «ивановской» почты, запряженный тройкою изумительно-скверныхъ лошадей, вздымаетъ густые клубы тончайшей лёссовой пыли, которая временами совершенно застилаетъ отъ путника даже везущихъ его лошадей. До самой станціи Черняевской, верстъ, значитъ, двадцать отъ Ташкента, дорога тянется между двухъ безконечныхъ рядовъ сѣро-желтыхъ «дувальныхъ» стѣнъ, иногда высокихъ и крѣпко сложенныхъ, аккуратно обмазанныхъ лёссовою штукатуркой, иногда вросшихъ отъ старости въ землю или полуразвалившихся. Изъ-за этихъ стѣнъ то высится темная, но до послѣдней степени запыленная зелень высокихъ тополей, то виднѣется обвившійся по высокимъ шпалерамъ виноградникъ, то выглядываетъ, сквозь пріоткрытую калитку или отверстіе обвалившейся стѣны, темно-зеленый бархатистый коверъ люцерны или правильно разсаженные невысокіе кустики американскаго хлопка. Все это—сплошной оазисъ, орошаемый водами одного изъ крупнѣйшихъ оросительныхъ каналовъ края—Захъ-арыка; его главныя вѣтви проходятъ по гребнямъ невысокихъ холмовъ, заполняющихъ мѣстность, а выведенные изъ нихъ третьестепенные каналы разносятъ воду, а съ нею и жизнь, по склонамъ этихъ холмовъ.

Уже поздно вечеромъ минуемъ Черняевскую станцію. Сейчасъ же за нею крестьянскій поселокъ: сплошная, густая роща изъ пирамидальныхъ тополей и кудрявыхъ ивъ, изъ-за которыхъ едва виднѣются обмазанные лёссомъ крестьянскіе дома. Кое-гдѣ мелькаютъ огоньки, но большею частью уже совсѣмъ темно: деревня рано ложится спать.

За поселкомъ дорога выходитъ на открытую, некультурную степь. Сразу чувствуется совершенно другой воздухъ: въ предѣлахъ орошен-

---

*) См. „Міръ Божій“, № 10, октябрь 1904 г.

наго оазиса сырой, а ночью—прямо-таки пронизывающій, онъ становится сухимъ и теплымъ, какъ только вы выѣхали на неорошенную степь.

Нѣсколько верстъ—опять густая роща, и среди нея—нѣмецкій поселокъ Константиновскій, гдѣ мы должны заночевать. Насъ везутъ сначала къ старостѣ, который здѣсь, впрочемъ, болѣе извѣстенъ подъ названіемъ шульца, потомъ на Absteigequartier. Черезъ сѣни, съ наполненнымъ пшеницею глинобитнымъ закромомъ, проходимъ въ большую, длинную комнату, чрезвычайно аккуратную и чистую. Обстановка—европейская: дѣтскія люльки, кровати съ пологами, столы, стулья, въ буфетѣ запасъ столовой посуды, на особомъ крючкѣ виситъ платяная щетка. Хозяинъ, начисто бритый пожилой нѣмецъ въ жилеткѣ и кожаныхъ туфляхъ, встрѣчаетъ насъ привѣтствіемъ и нѣсколькими вопросами на ломаномъ русскомъ языкѣ. Его сынъ, молодой парень, говоритъ по-русски уже совершенно свободно и съ едва только замѣтнымъ акцентомъ. Но женщины, съ которыми мы вступаемъ въ переговоры насчетъ самовара и ужина, по-русски почти не понимаютъ—переговоры приходится вести на нѣмецкомъ языкѣ.

Пока грѣется самоваръ, я выхожу на дворъ, гдѣ вокругъ нашего тарантаса успѣло собраться десятка полтора нѣмцевъ разнаго возраста, старые въ пиджакахъ и жилеткахъ, молодые по-русски—въ рубахахъ на выпускъ. Начинаются разговоры о томъ, о семъ, о былломъ и о настоящемъ житьѣ.

— Изъ двадцати трехъ колоній здѣсь собрались,—разсказываютъ мнѣ нѣмцы:—все совсѣмъ бѣдные были, у однихъ вовсе не было земли, у другихъ—совсѣмъ мало. Собрались на Амуръ идти; дошли до Оренбурга, а тутъ переселенческій начальникъ намъ и говоритъ: вы, говоритъ, народъ бѣдный, куда вамъ такъ далеко! Идите лучше въ Ташкентъ. Дошли до Казалинска—у многихъ не то что дальше идти—ѣсть нечего стало. Прожили зиму въ Казалинскѣ—начальство помогало всю зиму, а потомъ до Ташкента провезли на казенный счетъ. Пришли сюда, дали намъ землю; сначала тоже трудно было: денегъ нѣтъ, съ водой обращаться не умѣемъ, что можно сѣять безъ полива—не знали. Бѣда... А теперь хорошо живемъ, слава Богу.

— Что же, хлопокъ сѣете?

— Нѣтъ, не сѣемъ, у насъ все пшеница.

— Почему такъ? не родится развѣ хлопокъ?

— Родится... киргизы кругомъ много сѣютъ, да намъ неудобно: работы съ хлопкомъ очень много; а намъ, нѣмцамъ, все равно, что русскимъ мужикамъ: надо хлѣба побольше засѣять; есть вѣдь которые по пятьдесятъ да по шестьдесятъ десятинъ засѣваютъ. А потомъ, подъ хлопокъ сильный поливъ надо, а у насъ воды мало. Мы вѣдь и подъ хлѣба почти не поливаемъ; сначала тоже думали, что безъ полива нельзя, а какъ стали пробовать,—видимъ пшеница и ячмень

безъ полива лучше родятся, чѣмъ съ поливомъ; здѣсь вѣдь мѣсто высокое, горы—дождя довольно выпадаетъ. Только подъ клеверъ (мѣстное обиходное названіе люцерны) и поливаемъ—тутъ ужъ безъ полива никакъ нельзя.

— А съ киргизами дружно живете?

— У насъ не можетъ быть дружбы съ киргизами—sie sind ja Muhammedaner (разговоръ незамѣтно перешелъ на нѣмецкій языкъ): споровъ и обидъ съ ними нѣтъ, но и дружбы тоже нѣтъ. Съ крестьянами дружнѣе живемъ: die sind doch Christen, wie wir.

Рано утромъ трогаемся въ дальнѣйшій путь—трогаемся не безъ затрудненій, потому что нѣмецкія лошади, привыкшія къ дышловой запряжкѣ, съ большою неохотою даютъ себя запречь въ троечный тарантасъ.

Сверхъестественно-пыльная, попрежнему, дорога тянется по высокимъ «сыртамъ»—послѣднимъ отрогамъ Таласскаго Алатау. Внизу, по неширокой долинѣ, вьется небольшая рѣчка—Келесъ, а вдоль рѣчки разбросаны аулы зачисленныхъ въ осѣдлое состояніе (какъ объяснилъ мнѣ мой спутникъ) киргизъ. Зимовки крайне жалкія: маленькія глинобитныя «курганчи», съ крохотными огороженными двориками; на плоскихъ крышахъ небольшія скирды люцерны или соломы. Около зимовокъ—квадратики пашенъ, преимущественно подъ люцерной, орошаемые небольшими канавками, выведенными изъ Келеса; по склонамъ холмовъ болѣе широкіе квадраты и прямоугольники богары—посѣвовъ безъ искусственнаго орошенія. Около зимовокъ разставлены куполообразныя киргизскія юрты.

— Прикочевали уже,—говоритъ мой спутникъ.

— Какъ прикочевали?—изумляюсь я.—Вѣдь вы же говорили—они осѣдлые?

— Я говорилъ—*зачислены въ осѣдлые*, но они преспокойно откочевываютъ на лѣтовку: вѣдь горы подъ рукою, они и продолжаютъ кочевать. А что ихъ зачислили въ осѣдлые—такъ это, вѣдь, болѣе или менѣе зря: здѣсь вотъ, около Ташкента, всѣхъ позачисляли, а подальше оставили на кочевомъ положеніи, а разницы никакой. А между тѣмъ это зачисленіе—не шутка: осѣдлымъ полагаются одни культурныя угодья, а культурныхъ угодій у нихъ всего-ничего; хорошо еще, что за казенными пастбищами пока настоящаго присмотра нѣтъ—они себѣ и кочуютъ, хоть и не имѣютъ права. А запереть ихъ на своей землѣ—хоть пропадай! А потомъ—земля вѣдь имъ, какъ осѣдлымъ, отдана въ полную собственность — значитъ, съ правомъ продажи. Ну, а развѣ киргизъ можетъ землю удержать въ рукахъ?.. Вотъ мы отъ Ташкента, за городскою чертой, ѣхали садами,—вы, можетъ быть, думали — киргизскіе? Какой тамъ! все распродали: въ ачинскомъ обществѣ, напримѣръ, около двухсотъ постороннихъ владѣльцевъ, все больше крупные; а въ карабаш-

скомъ обществѣ—тамъ за четыре тысячи, въ кенсайскомъ тоже: порядочно русскихъ сидитъ, а больше сарты.

Не доѣзжая почтовой станціи Шорапхана, цѣпь зимовокъ и культурныхъ земель прерывается на нѣсколько верстъ—очевидно, киргизы не съумѣли вывести воды. Въ одномъ мѣстѣ, по широкой лужайкѣ, чуть не на версту, вытянулся сплошной рядъ юртъ; вокругъ юртъ большое оживленіе: гдѣ группа киргизъ верхами, гдѣ такіе-же киргизы сидятъ небольшими группами, въ кружокъ; женщинъ не видно вовсе, не видно и скота.

— Байга?—спрашиваетъ мой товарищъ ямщика—киргиза.

— Байга,—отвѣчаетъ тотъ.—Сандыбай байга дѣлалъ, отецъ поминалъ. Цѣлый мѣсяцъ живутъ, купцовъ много собралось!.. Первая лошадь семьсотъ рублей взяла, вторая шетьсотъ, третья пятьсотъ.

— Здòрово!—восклицаю я.

— Хорошая байга,—соглашается киргизъ.—А Касембека поминали—еще больше байга была: сыновья больше трехъ тысячъ истратили, родственники помогали—давали кто пятьсотъ, кто тысячу рублей; со всего рода собирали по приговору—съ кибитки по одиннадцать рублей, а въ роду тысяча восемсотъ кибитокъ! Однихъ барановъ пятьсотъ штукъ рѣзали, сорокъ лошадей. Первый призъ былъ—тысяча рублей денегъ, да пятьдесятъ верблюдовъ, да десять барановъ, да китайская ямба серебряная. Аульеатинскіе киргизы съѣхались, акмолинскіе, атбасарскіе—тоже больше мѣсяца жили.

— Да это сущее разореніе!—восклицаю я.

— Бываютъ, что и разоряются,—соглашается мой спутникъ:—нельзя—обычай; умеръ родовитый киргизъ—сыновья не могутъ отказаться устроить байгу. Сплошь и рядомъ бòльшая часть наслѣдства уходитъ. Ну, да въ убыткѣ они рѣдко остаются; соберутъ народъ на байгу, угостятъ, дадутъ призы, а потомъ все съ лихвою выберутъ: гдѣ подарками, гдѣ скотъ безплатно пустятъ пасти, гдѣ часть скота возьмутъ на выкормъ.

— Курьезный обычай!..

— А вотъ возьмите тоже ихъ обычаи насчетъ гостепріимства: гость пріѣдетъ, кто бы онъ ни былъ — изволь барана рѣзать; ну, у кого много скота — тому конечно это ничего, онъ и самъ радъ лишнему случаю зарѣзать барана. А бѣдному каково!.. А обычай твердый: хоть два барана, хоть одинъ — все равно, для гостя надо зарѣзать; а не зарѣжетъ—обычнымъ судомъ штрафъ возьмутъ, лошадь да халатъ; еще хуже, значитъ. Да пожалуй въ степи безъ этого обязательнаго гостепріимства и нельзя: вѣдь киргизъ ѣдетъ въ путь на цѣлую недѣлю—ничего съ собою не беретъ: знаетъ, что вездѣ накормятъ, гдѣ только киргизы есть.

Длинный спускъ съ горы, и за нимъ станція Беклярбекъ, устроенная... въ бывшей мечети. Комната для проѣзжающихъ—крохотная бо-

ковая коморка, а въ большой круглой залѣ мечети, съ закуренными стѣнами и куполообразнымъ потолкомъ, помѣщается ямщицкая. На полу валяются кошмы, шубы, по стѣнамъ развѣшана сбруя, а подъ однимъ изъ оконъ, гдѣ не такъ темно, стоитъ столикъ станціоннаго писаря.

Еще нѣсколько перегоновъ, все по той же холмистой степи, мѣстами орошенной и обработанной, но—увы!—съ посѣвами, сплошь съѣденными саранчою,—и подъ вечеръ мы достигаемъ города Чимкента.

И Чимкентъ, и Аульеата, куда мы попали черезъ пару дней, это такъ сказать, Ташкенты въ миніатюрѣ; небольшой русскій городъ, съ тѣми же одноэтажными, свѣтло-окрашенными домами, только въ смыслѣ архитектуры попроще,—съ кирпичными тротуарами и двойными аллеями рослыхъ деревьевъ, вытянутыми вдоль бѣгущихъ по обѣимъ сторонамъ улицы арыковъ; такой же сѣро-желтый туземный городъ съ безчисленными чай-ханами и обширнымъ базаромъ. На пригоркѣ старая крѣпость, которую когда-то штурмовалъ Черняевъ. Вокругъ города—широкій поясъ садовъ и полей, принадлежащихъ туземцамъ-горожанамъ. На степи—юрты ташкентскихъ кумысниковъ.

Вечеръ мы провели у одного изъ служащихъ нотаблей города Чимкента, къ которому собралось не то случайно, не то посмотрѣть на пріѣзжихъ, еще нѣсколько нотаблей, также изъ служащаго класса. Мы исчерпываемъ сначала весь запасъ ташкентскихъ новостей и слуховъ, а потомъ разговоръ незамѣтно переходитъ на крестьянъ—новыхъ поселенцевъ края, киргизъ и ихъ взаимныя отношенія.

— Не очень-то,—говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—можно похвалить нашихъ мужичковъ. Возьмите вотъ киргизъ или сартовъ: подъ поселенія у нихъ землю отобрали, да еще съ готовыми арыками, стѣснили ихъ порядочно, а между тѣмъ держатся тихо-смирно; не троньте только ихъ—сами русскихъ никогда не задѣнутъ. А крестьяне туземцевъ въ грошъ не ставятъ: басурманскую-молъ землю государь завоевалъ, а крестьяне царскіе,—значитъ землю у басурманъ надо отобрать и крестьянамъ раздать».

— Да ужъ это что̀ грѣха таить,—вмѣшался другой:—все только норовятъ мужички, какъ бы туземца обмануть или обидѣть. Вотъ возьмите хоть арыки. Гдѣ арыки общіе съ киргизами — чистое несчастье; не выгонишь мужиковъ арыкъ чистить: мы, молъ, не для того сюда шли, чтобы въ арыкахъ копаться; орда, молъ, до насъ чистила, пускай и теперь чиститъ; а заставишь выйти на работу—непремѣнно мужикъ въ какіе-нибудь десятники пристроится: киргизы, или тамъ сарты, работаютъ, а онъ себѣ стоитъ да покрикиваетъ. Воду вотъ тоже воровать—ухъ какъ ловки, а туземецъ что̀ съ него возьметъ!..

— Ну, знаете ли,—вставилъ свое слово третій собесѣдникъ,—имъ отъ киргизъ тоже не мало терпѣть приходится... Возьмите вотъ потравы,—вѣдь какъ мужиковъ донимаютъ!

— Господи, да какъ же можетъ быть иначе!.. Развѣ легко киргизамъ привыкнуть! Прежде вѣдь вольно было, пасли скотъ гдѣ хотѣли, никакихъ границъ не знали. А теперь повыростали поселки — естественное дѣло, скотъ нѣтъ-нѣтъ да и забредетъ на крестьянскій надѣлъ. А мужички и рады: загонятъ скотъ, да и сдерутъ вдесятеро. А киргизъ и понять не можетъ, за что съ него берутъ: крестьянскій-то вѣдь скотъ тоже постоянно киргизскую землю травитъ,—киргизы на это и вниманія не обращаютъ, а съ нихъ за все дерутъ. А отсюда дальше да больше: два три-раза ихъ нагрѣютъ — они мстить начинаютъ: лошадей уводятъ и все такое. Положимъ, отъ сартовъ, куда тѣ затешутся, киргизамъ еще хуже: нашъ мужичокъ конечно, тоже своего не упуститъ, да все же не такъ ловко за киргиза берется, какъ сартъ: тотъ ужъ, дайте ему только волю, киргиза цѣликомъ слопаетъ!..

— То-то вотъ и есть... Притомъ же не забудьте, Михайло Ивановичъ, нашъ мужикъ, онъ вѣдь все-таки несетъ съ собой культуру— значитъ, не одинъ отъ него вредъ киргизамъ.

— Хороша культура!—воскликнулъ Михайло Ивановичъ, къ которому дружно присоединились и остальные собесѣдники:—какую же такую культуру киргизы отъ крестьянъ заимствуютъ? культура-то у нихъ вся сартовская!..

— Какъ, помилуйте! а косы? развѣ это для киргизъ не благодѣяніе? Вѣдь до русскихъ они руками траву рвали или серпомъ рѣзали, много ли можно было на зиму корма заготовить! А теперь каждый киргизъ по нашему косить выучился—черезъ это и кочевки сократились, какъ сѣна больше стало.

— Ну, только и всего... А то развѣ киргизы у русскихъ учатся? Какъ разъ наоборотъ: всѣ пріемы поливки мужики у нихъ переняли, культуру клевера, кунакъ *); а кетмень? вѣдь здѣшній мужикъ ни шагу теперь безъ кетменя не ступитъ! А потомъ—какое же мужицкое хозяйство?! сартъ вотъ хлопокъ разводитъ, или рисъ, а нашъ братъ мужичокъ пшеничку да ячменекъ,—съ хлопкомъ, молъ, работы много... Оно и выходитъ: сартъ на пяти десятинахъ—чуть не помѣщикъ. А у крестьянъ по двадцать пять да по тридцать десятинъ, воды вволю; тутъ бы имъ рай земной, а имъ все мало: какъ обживутся, скота заведутъ—и пошли арендовать киргизскую землю, а тамъ и прошенія писать: нельзя ли, молъ, прирѣзочки,—у орды вонъ сколько земли праздно лежитъ...

На слѣдующее утро ѣдемъ въ сторону отъ большого тракта, въ горы, вверхъ по теченію небольшой рѣчки Сайрама. Чуть не вплотную отъ самаго Чимкента, верстъ на двадцать, тянутся поля огромнаго

---

*) Кунакъ—мелкій видъ проса, употребляемый и въ пищу, и въ кормъ, очень распространенный среди туземцевъ, особенно киргизъ.

сартовскаго кишлака—тоже Сайрама, главнаго торговаго пункта Чимкентскаго уѣзда. Настоящій городъ—сплошная масса сѣро-желтыхъ лёссовыхъ построекъ и оградъ, базаръ съ перекрытыми рядами; всѣ эти сартовскія поселенія какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга.

— Сорокъ мечетей,—съ восторгомъ говоритъ, оборачиваясь къ намъ, нашъ ямщикъ-киргизъ:—святыхъ много, могила Міріамъ есть, матери Иса *)...

Долина Сайрама сплошь разработана въ аккуратные квадратики поливныхъ полей, а вдоль по склону окаймляющихъ долину безлѣсныхъ горъ тянется то прямая, то изломанная, вслѣдъ за изгибами горнаго хребта, линія арыка, ведущаго эту воду откуда-то издалека. Ниже арыка склонъ горы тоже разработанъ и политъ, выше разбросаны большіе квадраты частью засѣянной, частью отдыхающей богары.

Пашни сайрамскихъ сартовъ, долго тянувшіяся широкою сплошною полосой, начинаютъ чередоваться съ пашнями и усадьбами киргизъ. Аккуратныя сѣро-желтыя мазанки со сложенными на плоскихъ крышахъ скирдами соломы и люцерны, около нихъ необширныя по площади, но хорошо выросшія древесныя насажденія, чисто разработанные квадратики поливныхъ полей. Эти киргизы уже совершенно осѣли; «на джайляу не ходятъ», пояснилъ намъ нашъ ямщикъ-киргизъ, самъ родомъ изъ этого аула.

Навстрѣчу намъ тянется верблюжій караванъ: это возвращается съ горной лѣтовки семья богатаго киргиза. Что онъ богатъ—объ этомъ онъ, со свойственною киргизскимъ баямъ хвастливостью, самъ возвѣщаетъ всему міру, выставивъ надъ вьюкомъ передового верблюда особую «отличку богатыхъ»—каргаулъ, какой-то своеобразный султанъ изъ перьевъ и еще чего-то. Но еще краснорѣчивѣе говорятъ о томъ же прекрасныя верховыя лошади и дорогіе серебряные пояса мужчинъ, въ особенности же огромные табуны скота, которые тянутся вслѣдъ за караваномъ, подъ конвоемъ одѣтыхъ въ лохмотья пастуховъ.

— Откуда эти киргизы?—спрашиваемъ мы ямщика.

— Аулъ на Таласъ стоитъ. Самъ лѣтомъ горы ходитъ, зимой Муюнъкумъ **) джурта (юрту) ставитъ.

— А домъ у него гдѣ?

— Домъ вовсе нѣту. Цѣлый годъ джурта живетъ. Богатой домъ нельзя жить—богатой надо со скотомъ ходить, а домъ съ собой не потащишь.

---

*) Міріамъ—Марія, Иса—Іисусъ.

**) Пески, отдѣляющіе бассейнъ р. Чу отъ района предгорьевъ Алатау и бассейна р. Таласа. Пески—лучшія зимнія пастбища, наиболѣе цѣнимыя богатыми скотоводами.

Сыръ-дарьинскій бай—до сихъ поръ чистокровный кочевникъ; онъ совершенно не заготовляетъ сѣна на зиму, а круглый годъ держитъ скотъ на подножномъ корму. Нѣтъ у него и собственнаго земледѣльческаго хозяйства; онъ только держитъ «коши» (кошъ=юрта, домохозяйство)—испольщиковъ; онъ предоставляетъ имъ сѣмена, рабочій инвентарь и нѣсколько головъ скота для довольствія молочными продуктами, и за это они обязаны отдать ему половину полученнаго урожая.

— Больно богатый бай,—разсказываетъ намъ словоохотливый ямщикъ.—Кошей десять держитъ, можетъ двѣнадцать держитъ: здѣсь недалеко ему изъ половины пашутъ, на Таласѣ пашутъ, на Чу пашутъ.

— А какъ же,—спрашиваю,—онъ ихъ провѣрить можетъ? самъ онъ вѣдь кочуетъ, значитъ, не видитъ, сколько тотъ собралъ? тотъ его, значитъ, и обмануть можетъ?

— Какъ можно! узунъ-кулакъ все скажетъ.

— Кто это узунъ-кулакъ?—спрашиваю я, думая, что рѣчь идетъ о какомъ-то особомъ контролерѣ надъ испольщиками.

Оказывается, узунъ-кулакъ—это значитъ «длинное ухо», слухъ, молва, та самая молва, которая чуть не съ быстротою телеграфа разноситъ всякую новость по необъятной киргизской степи.

— Сосѣдъ все видитъ,—пояснилъ ямщикъ: — сколько нажалъ, столько намолотилъ, все скажутъ. Бѣдный обманетъ—богатый другой разъ сѣмена не дастъ, скотина не дастъ, бѣдный безъ хлѣба будетъ.

— А что́,—продолжаю я разспрашивать,—его весь родъ сюда кочуетъ, въ горы?

— Одинъ горамъ ходитъ. Прежде всѣ горамъ ходили: съ Чу киргизъ ходилъ, со всего Таласа ходилъ—никто ничего не говорилъ: земля много было, корма много, всѣ пополамъ ходили, гдѣ захочетъ. А теперь тѣсно стало, не стали пускать; у этого киргиза здѣсь «свои» есть, такъ его пускаютъ, а другихъ не пускаютъ: каждый своя волость долженъ ходить.

— А гдѣ же другіе кочуютъ?

— Которой самый богатый, у того вездѣ свои есть; гдѣ хочетъ, тамъ кочуетъ. А которой немножко скота, тому далеко кочевать не надо—такой киргизъ пашня пашетъ, сѣно коситъ; зимой курганча́ живетъ, лѣтомъ недалеко на степи джурта ставитъ. А который четыре верблюда нѣту, такой вовсе не кочуетъ: кошъ не на чемъ возить: лѣтомъ джурта возлѣ курганча́ поставитъ, тутъ и джайляу, тутъ и кстау.

Вотъ и надѣлъ ближайшей цѣли нашей поѣздки—Георгіевскаго поселка. Вправо отъ дороги—полоса поливныхъ земель, занятыхъ подъ бахчи или подсолнухъ. Влѣво полоса необработанныхъ земель, поросшихъ верблюжьей колючкой и совершенно высохшею травою, но со слѣдами дѣйствовавшихъ оросительныхъ канавокъ.

— Камень, нельзя пахать,—объясняетъ, на наши вопросы, попав-

шійся навстрѣчу георгіевскій мужикъ: опять же и подъ худобу мѣсто нужно.

— А киргизы не пахали этой земли?

— Какъ не пахали—пахали. Ихнимъ омачемъ можно пахать, а нашимъ плугомъ нешто такой камень спашешь?!..

Вотъ и поселокъ—такой же сплошной зеленый садъ, въ которомъ тонутъ бѣлыя, по большей части просторныя и крѣпкія хохлацкія мазанки. По улицамъ, въ виду воскреснаго дня, разгуливаетъ деревенская молодежь обоего пола и разъѣзжаютъ верхами киргизы, въ праздничныхъ одеждахъ. То здѣсь, то тамъ, на завалинкѣ, сидитъ группа мужиковъ и мирно бесѣдуетъ съ сидящими на корточкахъ киргизами; кое-гдѣ, въ окнахъ, виднѣются характерныя физіономіи киргизъ, у кого-нибудь въ гостяхъ, за самоваромъ.

Заѣзжаемъ, тоже напиться чаю, къ волостному старшинѣ. За чаемъ, конечно, обычные разговоры о землѣ, объ урожаѣ о житьѣ,-бытьѣ.

— Можно здѣсь жить-то,—говоритъ старшина, потягивая изъ блюдечка чай.—Наши-то все больше, кто изъ Кустаная пришелъ, кто изъ Актюбы, а которые до того еще на Самарѣ жили, али у башкиръ, ну, противъ здѣшняго тамошнія мѣста ничего не стоятъ. Тамъ хлѣбъ два раза родится, а два года засуха, нѣтъ ничего. А здѣсь каждый годъ урожай.

— Съ поливомъ вѣдь?

— Зачѣмъ... мы вотъ пришли, тоже располагали, безъ поливу никакъ нельзя сѣять; да и не къ-чему было: дѣло было бѣдное, дай Богъ хоть поливную-то землю засѣять. А сейчасъ скотомъ обзавелись—у насъ въ поселкѣ однихъ рабочихъ быковъ за тысячу; плугъ быковъ у каждаго, а у которыхъ—по два да по три плуга. Ну, воды-то и не хватаетъ всю землю полить. Стали пытать безъ поливу сѣять, поначалу съ опаской: гдѣ на бугоръ нельзя воды вывести, дай, молъ, попытаемъ, на фартъ, такъ посѣять; посѣяли—хорешо вышло, не хуже поливной земли; дальше да больше—теперь которые на богарѣ больше противъ поливной стали сѣять. А ужъ у киргизцевъ, повыше въ горахъ, тамъ хоть вовсе не поливай: за богарную землю дороже поливной платимъ.

— А много арендуютъ ваши мужики?

— Мно-ого... Безъ мала все кругомъ пораспахали... Наши мужики, да изъ-подъ Чимкента со всѣхъ поселковъ: тамъ, на степѣ-то, саранча больно обижать стала, а въ горахъ-то ее нѣтъ, всѣ сюды и бросились пахать. Которые посправнѣе—берутъ землю за процентъ: дастъ киргизцу зимой денегъ, аль тамъ пшеницы, а весной зато спашетъ, сколько придется. Пропадаютъ тоже за которыми деньги: въ нашемъ поселкѣ, пожалуй, съ тысячу рублевъ за киргизцами осталось. Киргизцы, они сейчасъ въ рукахъ у нашего брата, бѣдно живутъ!..

— А безъ васъ какъ они жили?

— Да такъ и жили: разъ въ день поѣстъ кузи, аль чего, а теперь привыкли жить по-русски-то... Мы ихъ черезъ это и въ работники не больно охочи брать—работаютъ плохо, а насчетъ харча привередливы: до насъ и не знали, какой такой есть сахаръ, а теперь работникъ безъ сахару чай пить не станетъ. Не обойтись только безъ нихъ: изъ крестьянъ-то никто въ работники не идетъ, у каждаго своя работа,—развѣ который сейчасъ пришелъ, не завелся еще своимъ. Опять же и работать которые изъ киргизъ ужъ подучились: косятъ здорово, быковъ тоже запрягать привыкли. Конечно, и киргизъ разный: и у нихъ есть честные да работящіе, и промежъ нашего брата-мужика всякій народъ есть.

Верстъ десятокъ выше по Сайраму—небольшой поселокъ Петропавловка, возникшій всего года три тому назадъ. Хохлацкія мазанки, вокругъ нихъ молоденькое древесное насажденіе; лишняя вода изъ арыковъ—по повизнѣ запахиваютъ еще немного—заливаетъ дорогу и сбѣгаетъ внизъ, въ долину рѣки. И въ Петропавловкѣ, куда ни посмотри, вездѣ киргизы: угощаются, пьютъ чай или просто предаются пріятнымъ разговорамъ.

Петропавловскій поселокъ, оказывается, сидитъ не на отведенной по распоряженію начальства, какъ прочіе поселки, а на купленной землѣ.

— Сдали намъ сначала сарты землю за тридцать лѣтъ,—разсказывалъ намъ деревенскій староста,—а потомъ сами стали навязываться; купите, молъ, на вѣчность. Ну, подумали, подумали, да и купили.

— Сколько заплатили?

— Да по шестьдесятъ пять рублей съ пая.

— А земли въ паю сколько?

— Въ паю-то? поливной земли двадцать десятинъ на пай, да еще сколько-то неполивного выгона; да на всю деревню четыре кулака *) воды для пашенъ, да два кулака для грунтовъ (усадебъ).

— Что дешево?—спрашиваю я.

— Киргизцы больно имъ травили землю, они и надумали насъ сюда пустить: располагаютъ такъ, что мужики киргизцевъ отвадятъ скотъ распускать зря, тогда и имъ на оставшей землѣ спокойнѣе будетъ.

— Ну, а мѣсто хорошее?

— Чѣмъ не хорошее! Воды вдоволь, да и безъ поливу хлѣба родятся. Больно только общество у насъ несогласное.

— Что такъ?

— Богатѣи обижаютъ—общественную землю запахиваютъ.

---

*) Кулакъ—туземная мѣра расхода воды, примѣрно 1¼ куб. фута въ секунду.

— А земля не разбита по паямъ?

— Какъ не разбита! да онъ нешто глядитъ! пашетъ, да и все тутъ— прогоны перепахиваютъ, ничего знать не хотятъ. Мы вотъ, которые побѣдняе, хотимъ на вѣчность раздѣлиться, а то житья отъ нихъ нѣтъ.

— Что же у васъ, развѣ уже вся земля распахана?

— Какой тебѣ вся! на первый разъ по три десятины подѣлили пахать, потомъ по пятку, остальная лежитъ. Только вѣдь еще обзаводимся, да и то больше на заемныя деньги.

— У кого же занимаете?

— Да у егорьевскихъ мужиковъ больше—богатые вѣдь они. Дастъ онъ тебѣ сто рублевъ, а ему за процентъ десятину пшеницы отдай; а десятина пшеницы тоже вѣдь на сто рублевъ выйдетъ... Ну, сейчасъ-то ужъ начали которые изъ долгу выходить. Тоже вотъ съ водой первое время намаялись Первый годъ вовсе не поливали—не знали, какъ взяться: слава-те Господи, дождичка послалъ, и такъ родилось. А кто польетъ—пуститъ воду, стоитъ разставя руки, глядитъ, а вода ужъ черезъ двадцать десятинъ разлилась. Дѣлать нечего—стали киргизъ нанимать наймешь его поливать, а самъ смотришь, учишься; а то видитъ мужикъ—киргизъ пошелъ свою пашню поливать; за нимъ бѣжитъ, посмотрѣть, значитъ. Ну, теперь-то ужъ до всего дошли, воды зря не упустимъ.

Въ тотъ же день, поздно вечеромъ, вернулись въ Чимкентъ, а на утро тронулись дальше, по Аульеатинскому тракту. Все та же неимовѣрная лёссовая пыль. Чрезвычайно оживленное движеніе: верховые киргизы, арбяные обозы съ хлѣбомъ изъ Семирѣчья или съ «россійскою» мануфактурой и бакалеей, верблюжьи караваны съ шерстью, длинныя хохлацкія фурманки, запряженныя парою быковъ, характерные колонистскіе фургоны, занесенные въ край меннонитами и константиновскими нѣмцами. Вотъ киргизъ, съ парою верблюдовъ, везетъ куда-то нѣсколько батмановъ хлѣба. Ямщикъ нашъ обмѣнивается съ нимъ нѣсколькими словами.

— Куда это онъ хлѣбъ везетъ?—спрашиваемъ мы.

— Домой, въ аулъ. Не хватило хлѣба. Всѣ тѣ года продавали хлѣба помногу, а теперь пятый годъ саранча все поѣла. Ну, а они ужъ привыкли, безъ хлѣба не могутъ жить,—приходится покупать.

Минуемъ, не останавливаясь, рядъ образованныхъ по тракту русскихъ поселеній и огромный сартовскій кишлакъ Манкентъ. За Манкентомъ—длинный-длинный спускъ къ рѣчкѣ Машату, на которой стоитъ небольшой поселокъ Антоновка.

Пока происходитъ перепряжка лошадей, около почтовой станціи собирается кучка мужиковъ—посмотрѣть, не начальство ли какое наѣхало, которое могло бы распорядиться и помочь ихъ горю.

— Житья намъ не стало отъ общества,—разсказываетъ одинъ изъ нихъ, немолодой мужикъ съ окладистою бородою.

— А вы то сами кто же?

— Новенькіе мы. Коренныхъ жителевъ тутъ шестнадцать дворовъ да насъ шестнадцать.

— Вы что́ же, не приписаны, что ли?

— Пошто́ не приписаны! приписаны, земскіе платимъ, общественный сборъ платимъ. А только приписать-то насъ начальство приписало, а земли на насъ нѣту—однѣ усадьбы. Киргизскую землю исполу пашемъ, да изъ третьей части.

— Больно ужъ намъ старожители житья не даютъ,—вмѣшался другой, молодой мужикъ: дуютъ насъ и выживаютъ: за воду берутъ по три рубля съ усадьбы, а у самихъ воды вонъ сколько зря пропадаетъ! За скотину берутъ по три рубля, а скотину-то мы и не выпускаемъ на ихнюю землю, на киргизской пасемъ.

— Арендуете?

— Нѣтъ, вольная у нихъ земля-то, жейляу зовется: лѣтомъ отовсюду киргизцы сходятся. Намъ тоже киргизцы дозволяютъ пасти; смирёные они, жалѣютъ нашего брата, даромъ что орда́. Хрестьянскій табунъ, общественный, значитъ, тоже на киргизской землѣ ходитъ. Обижаются только киргизы на общество-то: хрестьянскій скотъ на ихней землѣ завсегда пасется, а киргизская скотина за межу зайдетъ—сейчасъ загонятъ и за потраву возьмутъ.

— Не сойтись намъ, видно, съ здѣшнимъ обществомъ,—продолжалъ первый мужикъ,; говорятъ, и себѣ мало земли. Придется, видно, своимъ поселкомъ заводиться.

— Гдѣ же вы думаете селиться?

— Да высмотрѣли себѣ мѣстечко—Юръ-су зовется, подъ горами, по-за Петропавловкой; хорошее мѣсто, можно мужику жить. Которые ужъ и землю тамъ покортомили, а сейчасъ покупать налаживаемся.

— Казна землю продаетъ?

— Нѣтъ, не казна. Котунъ-бекъ тамъ есть, богатый киргизинъ; десятинъ у него тысячъ до десятка,—онъ и сулится намъ продать—дешево проситъ.

— Какъ же онъ продать можетъ? Земля-то вѣдь не его, а общественная! Да и общество тоже продать не можетъ—закона нѣтъ.

— У нихъ, ваше степенство, богатый все можетъ: захочетъ продать—и продастъ, никого не спроситъ... Вотъ, будешь ѣхать, ваше благородіе—увидишь на Каракчи-булакѣ зимовки разломанныя: годовъ пятокъ какъ антоновскіе мужики это мѣсто у богатаго киргиза окортомили; которые киргизцы тамъ жили—прочь погнали.

— Что же, и пользуются?

— Нѣтъ, чего-то не вышло. Киргизцы-то, которыхъ согнали, жаловаться почали. Настоящаго, кажись, рѣшенія еще не вышло, а только не сѣютъ антоновцы на той землѣ, не допускаетъ начальство.

— А вотъ вамъ и еще примѣръ,—вмѣшался мой спутникъ, мѣст-

ный старожилъ: впереди, вотъ, ѣхать будемъ—сартовскій кишлачокъ стоитъ; кругомъ куча зимовокъ. А въ одинъ прекрасный день совершенно посторонній киргизъ, даже рода другого, взялъ да и сдалъ всю мѣстность мужикамъ изъ Корниловки да изъ Ванновки—вмѣстѣ съ кишлакомъ да съ зимовками; да еще какъ сдалъ! по нотаріальному договору, вообразите. Ну, тутъ ужъ казна вступилась—возбудили дѣло объ уничтоженіи договора.

— А какъ же туда сарты попали?

— А какъ они всюду втираются къ киргизамъ: позадолжали имъ киргизы; стали тѣ ихъ прижимать—они имъ и дозволили поселиться. А мѣсто-то удобное—полдороги между Чимкентомъ и Аульеата; всѣ обозы останавливаются; даже русскіе, и тѣ охотнѣе останавливаются, нежели въ Ванновкѣ. Вотъ, и выросъ настоящій торговый кишлакъ. А теперь мужики обложили сартовъ въ свою пользу: по копейкѣ съ сажени усадебной земли.

— А нельзя ли, ваше благородіе,—опять заговорилъ одинъ изъ мужиковъ, на—Юръ-су намъ землю отъ казны отвести? больно удобное мѣсто!

Мой спутникъ объясняетъ, что въ той мѣстности земля не назначена къ отводу переселенцамъ, а состоитъ въ пользованіи киргизъ.

— Да чего же, ваше благородіе, на нихъ, на орду, глядѣть то! прикажетъ имъ уѣздный начальникъ отдать землю подъ поселокъ, да и вся недолга! которые вотъ есть поселки—тоже не больно много киргизцевъ спрашивали: прикажетъ уѣздный—пишите приговоръ, да и весь сказъ...

Изъ Аульеата намъ предстояло проѣхать въ горы, долиною Таласа, до расположенной въ семидесяти верстахъ группы менонитскихъ поселковъ. Верстъ двадцать пять мы ѣдемъ по широкой предгорной степи. По сторонамъ, то тутъ, то тамъ, большія группы густой зелени—то сартовскіе кишлаки, то русскіе поселки, возникшіе на взятой у сартовъ или у киргизъ землѣ. Дорога пролегаетъ то засѣянными полями, все больше подъ люцерною или мелкимъ просомъ-кунакомъ, то дикою степью, но почти вездѣ—съ сохранившимися слѣдами оросительныхъ бороздокъ. Въ разныхъ направленіяхъ, очевидно вдоль большихъ арыковъ, вытянулись линіи киргизскихъ зимовокъ или курганчей, съ обязательными скирдами люцерны на плоскихъ крышахъ и съ небольшими группами деревьевъ, почти при каждой курганчѣ. Кое-гдѣ виднѣются киргизы, то жнущіе хлѣбъ, то снимающіе второй или третій сборъ люцерны, то прочищающіе оросительныя канавки.

Вотъ и ущелье Большая Капка, черезъ которое Таласъ прорывается изъ горъ на широкую предгорную равнину. Немного не доѣзжая входа въ ущелье, къ дорогѣ подступаетъ сначала одинъ арыкъ, потомъ еще другой, который, примѣрно на версту, тянется совсѣмъ бокъ-о-бокъ

съ первымъ; онъ только приподнятъ на искусственно-насыпанное, немного повышенное надъ горизонтомъ перваго арыка русло, потому что вода его должна обслуживать гораздо болѣе отдаленныя поля. Вотъ дорога подошла уже совсѣмъ къ обрывистому берегу Таласа. Внизу, по узенькой прибрежной полосѣ, бѣжитъ еще третій арыкъ, на другому берегу рѣки четвертый, а у самаго въѣзда въ Большую Капкў показывается еще и пятый, уходящій куда-то далеко, въ противуположную сторону. Тутъ же и «головы» двухъ арыковъ: параллельно берегу рѣки, надъ водою едва возвышается недлинная гряда камней, изъ-подъ которой торчитъ гдѣ дернъ, гдѣ хворостъ. Это немудреное сооруженіе охватываетъ часть теченія рѣки и направляетъ воду въ оросительный каналъ; немного удлинняя эту гряду или сбрасывая часть камней, туземный ирригаторъ регулируетъ поступленіе воды въ арыки, соразмѣрно потребности въ поливѣ и часто измѣняющемуся уровню воды въ рѣкѣ.

Слѣдомъ за остальными тремя арыками или—вѣрнѣе—навстрѣчу имъ, въѣзжаемъ въ узкое, длиною три или четыре версты, ущелье. Арыки бѣгутъ сначала по узенькой полосѣ прибрежнаго наноса, одинъ по одной сторонѣ рѣки, два другіе—по другой; а гдѣ рѣка непосредственно подступаетъ къ каменистому обрыву, тамъ арыкъ бѣжитъ въ каменномъ жолобѣ искусственно выложенномъ въ самомъ руслѣ рѣки.

Ущелье сразу расширяется и превращается въ неширокую, версты полторы или двѣ, горную долину. Правый берегъ Таласа—невысокія, но крутыя каменныя горы, безъ всякаго слѣда жилья или культуры. Лѣвый—ровная терраса, окаймленная цѣпью такихъ-же невысокихъ каменистыхъ горъ. По склонамъ ихъ, на нѣкоторой высотѣ, виднѣются темныя линіи арыковъ, взявшихъ воду либо изъ булаковъ (ключей), либо изъ Таласа, гдѣ-нибудь выше по его теченію, и выводящіе ее на культурныя земли и въ кишлаки долины.

Минуемъ, не останавливаясь, Ключевской поселокъ, ничѣмъ не отличающійся, по крайней мѣрѣ съ виду, отъ многочисленныхъ поселковъ, вытянувшихся по тракту между Чимкентомъ и Аульеатà, и подъ вечеръ достигаемъ группы менонитскихъ поселковъ. На самой дорогѣ—сравнительно большой «колòнокъ» Орловъ (удареніе на ò)—названіе, которое менониты принесли съ собою изъ Пруссіи, которое они дали своей колоніи въ Самарской губерніи и съ которымъ пришли сюда, въ глухія предгорья Алатау. Немного поодаль—группа изъ четырехъ другихъ, меньшихъ по размѣрамъ, колòнковъ. Впрочемъ только эти четыре колòнка—чисто менонитскіе. Въ Орловѣ—только полъ-поселка менониты, и тѣ—отлученные отъ менонитской общины за недостаточную твердость въ правилахъ вѣры; остальные—нѣмцы-лютеране, земляки обитателей Константиновскаго поселка. Всѣ пять колòнковъ рѣзко отличаются своимъ внѣшнимъ видомъ отъ рус-

скихъ поселковъ. Обширныя усадебныя мѣста, обнесенныя высокими, аккуратно сложенными и обмазанными глинобитными стѣнами; просторные дома, каждый въ двѣ и болѣе комнатъ, либо оштукатуренные сѣрою лёссовою замазкой, либо выкрашенные въ разные свѣтлые тона, почти всегда—подъ одною крышею со скотными дворами; чрезвычайно правильно разсаженныя и хорошо содержанныя древесныя насажденія и прекрасные фруктовые сады.

Мы останавливаемся въ Орловѣ у господина Starost'a. Я передаю ёму поклоны отъ родственниковъ и друзей, которыхъ я, примѣрно за мѣсяцъ передъ тѣмъ, посѣтилъ въ Самарской губерніи, — и насъ поэтому встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, какъ дорогихъ гостей. Конечно,—чай, съ какимъ-то нѣмецкимъ печеньемъ и удивительнѣйшими яблоками, какъ по размѣрамъ, такъ и по чистотѣ. И конечно—разговоры о житьѣ-бытьѣ.

— Здѣсь хорошо жить,—объясняетъ намъ Herr Starost, настоящій Herr, съ длинными бакенбардами, пробритымъ подбородкомъ и въ городскомъ пиджакѣ, совершенно подстать его усадьбѣ, необыкновенно-подчищенному цвѣтнику и его гостиной, съ городскою мягкою мебелью и стекляными шкафами или горками—у каждаго пять-шесть лошадей, пять-шесть коровъ. Самое лучшее здѣсь—это то, что разъ полита земля—такъ неурожая ужъ не бываетъ; а вѣдь на Самарѣ, бывало, и по четыре пуда съ десятины собирали! Земли вотъ только мало—всего по двадцать десятинъ на семейство: отъ самаго двора по три десятины подъ навозъ: тутъ съ огородомъ, тутъ и клеверное поле, а послѣ клевера два-три года хлѣбъ хорошо родится; полевая земля въ восьми мѣстахъ; остальное—выгонная земля, болотистая, немножко луга по рѣкѣ.

— Что же, обходитесь своей землей?

— Какъ можно! Всякій арендуетъ у киргизъ—и наши, и русскіе,—haben alles Land ausgesogen. Такой спросъ на землю теперь, что хозяйство совсѣмъ невыгодно вести: прежде хоть хлѣбъ и дешевъ былъ — зато землю арендовали за безцѣнокъ: а теперь Богъ знаетъ какія цѣны! А имъ все не на пользу! Вѣдь киргизъ—какъ ребенокъ: никакого разсчета не понимаетъ; понадобились деньги, на дѣло или на пустяки—онъ ужъ ни на что̀ не смотритъ: урожай запродаетъ впередъ, землю подъ посѣвы, забираетъ деньги подъ лѣтнюю работу. Эти года вотъ хлѣбъ по рублю и болѣе пудъ, а они съ зимы запродаютъ по четыре съ полтиной за батманъ,—значитъ около полтинника за пудъ; подъ жатье забираются по три рубля за батманъ—выходитъ за десятину полтора рубля; хлѣба съ зимы столько запродастъ, что и при хорошемъ урожаѣ не собрать; придетъ урожай, все приходится отдать за долги, а на зиму хлѣба и нѣтъ, опять забираться надо... Эти года многіе киргизы и пахать перестали: раньше пахали, а теперь всю землю испольщикамъ отдаютъ. Вѣдь они какіе: у кого пять-шесть головъ скота—тотъ уже бай

и уходитъ на лѣтовку въ горы, благо здѣсь близко; не думаетъ о томъ, что̀ будетъ ѣсть зимой... Плохо, плохо они живутъ!..

— А по вашему, здѣсь что̀ выгоднѣе—скотоводство или земледѣліе?

— А смотря по цѣнамъ... Прежде вотъ батманъ овса рубль стоилъ или полтора,—такъ больше свиней откармливали (менонитскіе окорока и сейчасъ славятся въ Ташкентѣ!). А теперь хлѣбъ дорогой—стали больше хлѣбъ сѣять. Скотоводство, конечно, у насъ есть, только не такое, какъ у русскихъ: рогатый скотъ больше для молока—на сыроварни отдаемъ, тутъ же у насъ въ колонкахъ; выкармливаемъ городскихъ лошадей—рублей по полтораста продаемъ, по двѣсти; за коровъ нашихъ въ Ташкентѣ по сту рублей даютъ.

— Откуда-жъ у васъ такой скотъ?

— А у насъ производители общественные: жеребцы орловскіе, голландскіе быки; теперь вотъ нашъ довѣренный поѣхалъ новаго быка покупать. Уходъ тоже не такой! Вотъ, не пожелаете ли посмотрѣть мой скотный дворъ?

И Herr Starost повелъ насъ въ обширное, свѣтлое строеніе, съ деревяннымъ покатымъ поломъ и со стоками для жидкихъ нечистотъ, съ отдѣльными стойлами и яслями для каждой лошади и для каждой коровы, блещущее въ полномъ смыслѣ слова голландскою чистотой.

— Такъ вѣдь это только у васъ такъ,—замѣтилъ я—у другихъ, конечно, нѣтъ такой роскоши?

— Нѣтъ, у всѣхъ такъ; у кого скотный дворъ больше, у кого меньше,—но устройство у всѣхъ такое; такъ еще на родинѣ было заведено.

Послѣ скотнаго двора осмотрѣли и садъ, и тутъ сразу стало ясно, почему у менонитовъ яблоки безъ малѣйшаго изъяна: каждое дерево, очевидно, является предметомъ самаго заботливаго ухода; земля подъ девьями идеально взрыхлена и содержится подъ чернымъ паромъ—нигдѣ ни малѣйшей травинки...

Осмотрѣли и всякіе амбары и сараи; въ сараяхъ обычные колонистскіе фургоны, но тутъ же и пролетка полугородского типа; разные плуги, молотилка, вѣялка.

— Изъ Россіи выписывали?

— Нѣтъ, у насъ въ колóнкахъ мастера дѣлаютъ. Плуги вотъ, тѣ заводскіе—одинъ только вотъ этотъ—здѣшней работы. Раньше наши мастера плуговъ не дѣлали,—теперь научились тоже.

Посмотрѣли еще семейное кладбище: тутъ же, на полевомъ участкѣ, маленькій квадратикъ, обнесенный хорошенькою изгородью; внутри изгороди двѣ чисто обдѣланныя могилки, аккуратно засаженныя цвѣтами...

За ночь надъ Таласскою долиной пронесся проливной дождь, который очистилъ воздухъ отъ заволакивавшей его все время дымки, а на нѣсколько сотъ метровъ выше выпалъ уже въ видѣ снѣга. И

возвращаясь изъ колонковъ въ Аульеата, я все время любовался покрытыми чистымъ, свѣже-выпавшимъ снѣгомъ вершинами передового хребта, изъ-за котораго выглядывали скрывавшіяся ранѣе за туманною дымкой снѣжныя вершины Алатау.

Я не буду утруждать читателя описаніемъ томительнаго перехода отъ Аульеата, глухою степью, до перевала черезъ невысокія горы Каратау, которыя отдѣляются отъ Алатаускаго хребта недалеко отъ Чимкента и тянутся параллельно Сыръ-Дарьѣ, въ парѣ десятковъ верстъ отъ ея праваго берега. Нѣсколько дней подрядъ—ничего, кромѣ унылой, сѣро-бурой или сѣро-желтой, то чисто лёссовой, то супесчаной степи, усѣянной рѣдкими шапками разной «колючки» или поросшей совершенно желтою отъ лѣтняго зноя, негустою травкой. Лишь изрѣдка тоскливое однообразіе картины нарушается небольшими группами киргизскихъ юртъ, расположившихся у какой-нибудь, чаще солоноватой воды, или табунами скота, возвращающимися съ лѣтовокъ. Гдѣ удалось вывести воду изъ рѣки или рѣчки, а то и изъ озера, подперевъ его воду системою бугутовъ *), тамъ появляются и пашни; но и онѣ мало разнообразятъ скучную картину: пашни гдѣ совершенно заброшены, изъ-за саранчи, гдѣ дочиста выѣдены тою же саранчою, и лишь изрѣдка глазъ отдыхаетъ на темно-зеленомъ коврикѣ люцерны или на уцѣлѣвшемъ посѣвѣ кунака. По невысокимъ сопкамъ, на самыхъ видныхъ мѣстахъ, располагаются киргизскія кладбища: издали виднѣется могила какого-нибудь бая, въ видѣ небольшой мечети, съ куполкомъ луковицею и характерными колонками или пилястрами по угламъ, и подъ сѣнью ея захоронены десятки, а то и сотни душъ киргизской мелкоты, могилы которой обозначаются лишь небольшими, едва замѣтными кучками земли или камня. Отъ самаго Аульеата и почти до лежащаго уже за Каратаускими горами Туркестана — ни одного арбяного слѣда. По всей необъятной степи киргизы не знаютъ никакого способа передвиженія, кромѣ верхового или вьючнаго, и даже допотопныя сартовскія арбы извѣстны имъ только по наслышкѣ...

Въ нѣсколько переходовъ, по семидесяти и по восьмидесяти верстъ каждый (меньше нельзя—нѣтъ воды для ночлега), добрались, наконецъ, и до перевала черезъ Каратау. Неширокая лощина, по каменному дну которой едва струится небольшой ручей. Немного выше тянется небольшой арыкъ, взятый изъ того же ручья и выводящій воду на разработанныя гдѣ-то на предгорной степи сартовскія пашни. По обѣимъ сторонамъ лощины гряды невысокихъ холмовъ, то съ мягкими, то съ крайне причудливыми очертаніями—мѣстами что-то въ родѣ мелко-иззубреннаго профиля древней крѣпостной стѣны. Обнаженные утесы или

---

*) Туземныя плотины.

каменныя осыпи чередуются со склонами, успѣвшими одѣться супесчаною или лёссовидною почвой. Почти сплошь желтоватая или красноватая полынь, которою, главнѣйшимъ образомъ, отъѣдается приходящій на лѣтовку скотъ, а на потныхъ мѣстахъ зеленѣетъ густая, сочная трава.

А вотъ и самый перевалъ. Тропа сворачиваетъ въ сторону отъ ручья. У самаго сворота какія-то двѣ пещеры, вырытыя въ склонѣ горы. Это зимовки киргизъ, пасущихъ сартовскій скотъ на горныхъ тебеневкахъ: къ самому входу въ пещеру пастухи приставляютъ свою юрту, гдѣ и проводятъ день, ночью же забираются въ пещеру. И это—при непрерывно дующихъ въ ущельѣ сильныхъ вѣтрахъ, которые наносятъ снѣга на сажень и болѣе и на недѣли или даже мѣсяцы отрѣзываютъ пастуховъ отъ сообщенія съ внѣшнимъ міромъ...

Совершенно стемнѣло. До ночлега еще больше часа, но склонъ горы на столько пологъ, а тропа настолько спокойна, что привычныя лошади спокойно бѣгутъ крупною рысью, и лишь по временамъ соскальзываютъ въ бѣгущій гдѣ-то около тропы небольшой арыкъ.

Наконецъ, желанные огоньки: съ десятокъ киргизскихъ курганчей, а нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ—хуторъ Ивана Гудкова, гдѣ намъ предстоитъ заночевать.

Длинное строеніе съ двумя жилыми покоями, большими сѣнями, и тутъ же подъ одною крышей—теплый скотный дворъ. Обстановка скудная, безъ всякихъ претензій на деревенскую роскошь. Хозяинъ—николаевскій солдатъ, мѣщанскаго вида, въ пиджакѣ и съ сѣдою бородой; его жена — типичная хохлушка, очень склонная поплакать, тогда какъ старикъ сохраняетъ неизмѣнно спокойный и безстрастный видъ.

Вотъ уже тридцать лѣтъ Гудковъ живетъ въ этомъ ущельѣ, съ его глубокими снѣгами и постоянно дующими сильными вѣтрами. Служилъ онъ на уже давно заброшенномъ мѣдномъ рудникѣ, какимъ-то сторожемъ или десятникомъ, и отъ владѣльца рудника получилъ разрѣшеніе занять подъ хуторъ никогда, кажется, не принадлежавшее этому владѣльцу мѣсто. Жить и хозяйствовать можно—земли удобной довольно, вода подъ бокомъ, хлѣбъ родится хорошо съ поливомъ и еще лучше—безъ полива.

— А съ киргизами какъ живете? Не обижаютъ васъ? Не опасно жить одному въ такомъ глухомъ мѣстѣ?

— Ничего! съ киргизами мирно живу! Дѣлить намъ съ ними нечего: земля у меня своя, у нихъ своя, вода тоже. Ну, бываетъ, скотъ ихній къ намъ зайдетъ; вотъ еще намеднись—тальникъ у меня посаженъ былъ—потравили; такъ не судиться же съ ними изъ-за этого: и наша скотина тоже когда на ихнюю землю заходитъ.

Потомъ, уже въ Туркестанѣ, я узналъ, что киргизы очень почи-

таютъ старика, даже ходятъ къ нему разбираться въ разныхъ своихъ мелкихъ спорахъ и дрязгахъ.

— Скучно только жить здѣсь,—продолжалъ Гудковъ,—особливо когда нерабочее время, аль зимой. По недѣлѣ да по двѣ ни къ намъ, ни отъ насъ проѣзду нѣтъ. Годовъ тому съ десятокъ вовсе тоска одолѣла! продалъ я хуторъ—вотъ сусѣдъ живетъ, киргизинъ, у меня это онъ избу купилъ,—да переѣхалъ въ городъ, по торговой части поступилъ. Да нѣтъ, не поглянулось послѣ своего хозяйства да послѣ вольнаго житья. Назадъ сюда пріѣхалъ, новый хуторъ построилъ—видно ужъ здѣсь вѣкъ доживать.

— А правду говорятъ,—спросилъ мой товарищъ по эскурсіи,—въ Сузакѣ (огромный сартовскій кишлакъ на склонѣ Каратау) старикъ солдатъ уже пятьдесятъ лѣтъ живетъ?

— Живетъ! Годовъ за восемьдесятъ ему; изъ казаковъ; двадцати, сказываетъ, лѣтъ со службы убѣжалъ... Совсѣмъ сдѣлался, какъ сартъ, по-русски говорить забылъ; вѣру ихнюю принялъ. А праздники наши помнитъ: придетъ бывало ко мнѣ—плачетъ... Сейчасъ не сталъ уже приходить: больно старъ сталъ, ослабъ ногами.

— А вы по-киргизски говорите?

— Какъ не говорить! я говорю, и ребята всѣ говорятъ. Вотъ старуха моя—та не хочетъ... А паренекъ—и Гудковъ показалъ на младшаго сына, подростка лѣтъ пятнадцати,—тотъ ужъ безъ мала, что позабылъ по-русски, а по ихнему,—что твой киргизъ.

На утро еще нѣсколько часовъ пути по другому ущелью, открывающемуся уже на Сыръ-Дарьинскую долину. Ущелье, приблизительно, того же типа; но въ одномъ мѣстѣ небольшой ручеекъ протекаетъ среди совершенно отвѣсныхъ или даже нѣсколько нависшихъ надъ ущельемъ каменныхъ стѣнъ здѣсь постоянно дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ—лошадь едва удерживается на ногахъ.

Пара десятковъ верстъ по высокому предгорному плато, замѣтно возвышающемуся надъ заливною долиною Дарьи. Почва—чистѣйшій лёссъ, самаго высокаго, повидимому, достоинства. Но воды здѣсь почти нѣтъ, а потому плато пустынно, и служитъ лишь осеннимъ и весеннимъ пастбищемъ киргизскаго и сартовскаго скота. Изрѣдка лишь по пустынной степи вьется ложе высохшаго ручейка; весною вода такихъ ручьевъ частью расходуется для полива полей въ лежащихъ ниже, въ долинѣ, сартовскихъ селеніяхъ, частью же вливается въ разсѣянныя по долинѣ многочисленныя озера; здѣсь воду перехватываютъ бугутами и потомъ, когда нужно, разводятъ на пашни, для полива позднихъ яровыхъ. Кое-гдѣ небольшіе ключи; вода ихъ перехвачена небольшими плотинками и образуетъ маленькіе пруды, откуда, когда нужно, ее выпускаютъ для полива лежащихъ по сосѣдству небольшихъ клочковъ культурной земли.

Вотъ, однако, и мѣсто, намѣченное для нашего послѣдняго полдневнаго привала: киргизскій кишлакъ изъ пятидесяти, примѣрно, кибитокъ полуосѣдлыхъ или, скорѣе, совсѣмъ осѣвшихъ, но числящихся кочевыми, киргизъ. Кишлакъ—уже настоящее селеніе, съ домами изъ саманнаго кирпича, съ высокими дувальными стѣнами вокругъ бахчей и люцерновыхъ полей и съ обширными садами, политыми выведенною изъ горныхъ ключей водою. Въ одномъ изъ этихъ садовъ, принадлежащемъ мѣстному волостному управителю, для нашего отдыха разбита, вмѣсто традиціонной юрты, красивая пестрая палатка.

Конечно, чаепитіе, дыни, достарханъ съ ташкентскими карамельками и кедровыми орѣшками, коурдакъ—нѣчто въ родѣ «бёфъ-строгоновъ» изъ только что зарѣзаннаго барашка—все честь честью...

Изъ разговоровъ оказывается, что гостепріимный хозяинъ, хотя и состоятельный человѣкъ, но скота имѣетъ немного: штукъ сорокъ лошадей, да полсотни верблюдовъ, да ста три барановъ; въ чисто кочевыхъ аулахъ люди равнаго съ нимъ соціальнаго положенія владѣютъ сотнями лошадей и тысячами барановъ. Зато нашъ волостной начальникъ сѣетъ много хлѣба, обрабатывая землю самъ, со своими многочисленными сыновьями: высѣваетъ шесть батмановъ озимой пшеницы, да батмана четыре ячменя, значитъ свыше пятнадцати десятинъ однихъ озимыхъ хлѣбовъ. Столь излюбленнаго киргизами проса, да и вообще яровыхъ, сѣетъ, напротивъ, очень мало: воды хватаетъ только на весенній поливъ, который и расходуется почти цѣликомъ на озимые посѣвы.

— У насъ строго насчетъ воды,—разсказывалъ намъ управитель черезъ переводчика:—воды мало—вотъ и дѣлятъ поровну между богатыми и бѣдными; каждый по полсутокъ поливаетъ—одинъ съ утра до полудня, другой съ полудня и до вечера. Кто бѣдный—тотъ свою воду отдаетъ богатому изъ половины—вотъ и я у четырехъ кошей воду беру: поливаю въ ихъ очередь—только для дынь и джугары долженъ оставить имъ воды; самъ пашу, самъ сѣю свои сѣмена, а за воду отдаю половину урожая, да еще кибиточную подать плау.

Здѣсь, такимъ образомъ, не бѣднякъ, а сильный домохозяинъ выступаетъ въ роли испольщика, а бѣдняку высокая цѣнность поливной воды создала, сравнительно, привилегированное положеніе.

— А кочуете гдѣ?—спрашиваю.

Оказывается, вовсе не кочуютъ: живутъ и лѣто, и зиму на своихъ усадьбахъ, выставляя впрочемъ на лѣто юрты въ садахъ и на дворахъ, и только отгоняютъ скотъ на расположенныя тутъ же подъ рукою горныя лѣтовки.

Однако, пора и въ путь: послѣдній, а потому особенно утомительный переходъ. Сначала—сплошная полоса киргизскихъ полей, потомъ еще съ десятокъ верстъ—пустынное степное плато, и, наконецъ, съ окраины

послѣдняго показывается конечный пунктъ нашего странствованія—городъ Туркестанъ, съ возвышающеюся надъ нимъ знаменитою мечетью-Хазретомъ. Въ сторонѣ какъ-бы въ линію вытянулись то большія, то маленькія пятна темной зелени—это сартовскіе кишлаки и хутора, расположившіеся вдоль питающаго и ихъ, и городъ Туркестанъ, а теперь—еще и желѣзнодорожную станцію, большого арыка, въ который собирается вода изъ цѣлой группы горныхъ ключей... И первый признакъ осѣдлости—верховая тропа превращается въ колею, прорѣзанную широко разставленными арбяными колесами.

На утро, смывъ съ себя дорожную пыль и потъ, отправляемся осматривать Хазретъ. Высокій порталъ, въ видѣ арки съ двумя куполками по бокамъ, когда-то сплошь выложенный чудесными, синими съ зеленымъ, изразцами. Теперь этихъ изразцовъ почти ужъ не осталось—они повывалились и замѣнены сѣро-желтою лёссовою штукатуркой. Квадратный главный залъ, съ куполообразнымъ потолкомъ, выкрашенный въ бѣлую краску, съ громаднымъ мѣднымъ чаномъ посрединѣ, окруженнымъ одиннадцатью бунчуками отъ могилъ одиннадцати святыхъ... Маленькій боковой залъ съ могилою святого султана Ходжи-Хазрета, давшаго мечети свое имя. Позади главной залы—небольшая мечеть «зикрà», очень изящная, съ четырьмя полукуполками по бокамъ и со среднимъ полусферическимъ куполомъ. Въ неширокомъ проходѣ—могила принца изъ «Рѣмы» (Рима?), который, по преданію, былъ мюридомъ (ученикъ, послѣдователь) у Султанъ-Хазрета; могила покрыта полувылинявшею шкурою джульбарса (тигръ), а въ ногахъ навалена груда роговъ аргали, плохо очищенныхъ и потому издающихъ довольно-таки противный запахъ; на полу насыпаны, во множествѣ, горсточки земли или пыли—это символическія могилки, замѣняющія дѣйствительное погребеніе около могилы святого. Гдѣ-то сбоку кухня, съ огромными, совершенно черными чанами и деревянными корытами, гдѣ когда-то по пятницамъ варился для бѣдныхъ «палàу» (пилавъ). Зала медрессе, для учениковъ котораго тутъ же, въ зданіи мечети, устроено до трехсотъ крохотныхъ келій, разбросанныхъ по всѣмъ угламъ и переходамъ. Невѣроятно-обвалившаяся лѣстница, ведущая на плоскую крышу мечети. Въ боковыхъ помѣщеніяхъ вездѣ грязь, мусоръ, обвалившіеся кирпичи, копоть, масса голубинаго помета—голуби въ Хазретѣ пользуются особеннымъ почтеніемъ. Вообще—мерзости запустѣнія, и если мечеть еще хоть сколько-нибудь поддерживается, то это, повидимому, только благодаря настояніямъ русскаго начальства. Отъ мечети, по разнымъ поводамъ, отошла бóльшая часть ея вахфовъ, а главное—вакуфные доходы чуть не цѣликомъ уходятъ въ пользу шейховъ—потомковъ Ходжи-Хазрета, играющихъ роль мутаваліевъ или потомственныхъ старостъ или попечителей мечети.

Съ плоской крыши, по которой валяются полурастерзанные коршу-

нами трупы голубей и куски обвалившихся съ главнаго купола синезеленыхъ изразцовъ, мы любуемся видомъ на городъ Туркестанъ. Небольшой русскій, исключительно чиновничій городокъ, одноэтажные домики котораго тонутъ въ густой листвѣ воспитанныхъ на арычной водѣ древесныхъ насажденій, и большой туземный городъ: сплошная, совершенно безъ зелени (воды мало, и потому туземцы не могутъ позволить себѣ подобной роскоши!), масса сѣро-желтаго лёсса. съ плоскими или куполообразными крышами, уже безъ всякихъ слѣдовъ европейскаго вліянія, такъ и вызывающая воспоминаніе о библейскихъ временахъ. Въ сторонѣ, вдоль большого арыка, хутора, окруженные садами, и поля, покрытыя гдѣ просомъ, гдѣ джугарой, гдѣ темно-зеленою бархатистою люцерной.

Ну, пора и ѣхать на вокзалъ: говорятъ, черезъ часъ или два (а можетъ быть и черезъ двѣнадцать) долженъ отойти рабочій поѣздъ. Нѣсколько верстъ по сыпучему песку Сыръ-Дарьинской долины,—и мы у цѣли, у строющейся станціи, возлѣ которой уже собранъ поѣздъ: рядъ вагоновъ съ желѣзнодорожною кладью, пара «приспособленныхъ» вагоновъ—одинъ съ надписью «вагонъ для *переѣзда* служащихъ», другой—«вагонъ для *перевозки* рабочихъ», а за ними небольшой бѣлый служебный вагончикъ. Онъ повезетъ въ Ташкентъ, а оттуда—на далекій сѣверъ, гдѣ нѣтъ ни верблюдовъ, ни киргизскихъ юртъ, и гдѣ живущіе въ постоянномъ туманѣ люди плохо могутъ себѣ представить, что такое туркестанское солнце, и что̀ можетъ значить выбивающаяся гдѣ-нибудь изъ-подъ земной поверхности струйка воды.

Александръ Кауфманъ.